

В. О. ФУКАЛОВ

Место США во внешней политике Великобритании в период «странной войны»

3 сентября 1939 г. Великобритании пришлось сделать шаг, которого она надеялась избежать все предыдущие годы, — она объявила войну Германии, вступив тем самым в новый мировой конфликт. После этого от британского правительства было бы вполне резонно ожидать активизации внешнеполитических усилий, направленных на вовлечение в антигитлеровский блок одной из крупнейших демократий Запада — США. Однако в период «странной войны» действия Уайтхолла в этом направлении были столь же незаметны, как и сама война в Европе. Вместе с тем именно в этот период происходят события, которые позволили заложить основу для последующего быстрого прогресса в деле сближения двух англосаксонских стран. Рассмотрение этих несочетающихся друг с другом тенденций, равно как и причин, их определяющих, важно для понимания всего процесса складывания англо-американского альянса во Второй мировой войне.

Основными носителями различных подходов к США были две знаковые фигуры британской политики того периода — Невилл Чемберлен и Уинстон Черчилль. Эти политики по-разному смотрели на разворачивающиеся в 1930-х гг. в Европе и мире события и соответственно придерживались различных точек зрения на британскую внешнюю политику. На протяжении 1937–1939 гг. Чемберлен последовательно проводил, а Черчилль столь же последовательно критиковал политику умиротворения. Это столкновение мнений было обусловлено различиями в оценке Гитлера и его политики. Чемберлен понимал угрозу, исходящую от Третьего рейха, и до 1937 г. считал, что для оказания

ческих стран, а на развалинах бывших колониальных империй образовались десятки независимых государств.

И в наши дни некоторые западные политики провозглашают очередной «крестовый поход» против Советского Союза, против стран социалистического содружества, против мирового революционного и национально-освободительного движения с целью повернуть историю вспять. Ставить в наши дни подобные цели могут лишь те, кто полностью пренебрегает законами человеческого общества, игнорирует уроки прошлого. О том, чем кончаются подобные авантюры, напоминает эта статья.

не хотел бы начать деловые отношения с Россией. Многие высказывали свое недовольство — подчас в очень красочных выражениях — по поводу того, что правительство препятствует этому».

Большинство участвовавших в заседании 16 ноября членов кабинета не согласилось с аргументами Черчилля. Принятие окончательного решения было отложено на следующий день. Черчилль перед концом заседания написал записку лорду Биркенхеду: если будет решено торговать с Россией, он подаст в отставку. На следующий день военный министр продолжил борьбу. «Неистовое наступление Черчилля против соглашения», — записал в дневнике Морис Хэнки. Однако кабинет большинством голосов (против четырех: лорда Керзона, лорда Мильнера, Черчилля и У. Лонга) принял положительное решение. «Черчилль был так расстроен, — отмечал Хэнки, — что не мог участвовать в обсуждении других вопросов... Он был страшно бледен и не вымолвил ни слова до конца заседания».

Однако, как только заседание кончилось, военный министр потребовал занести в протокол, что каждый член кабинета имеет право на публичные выступления против большевиков. Это требование было удовлетворено. В тот же вечер Черчилль отправился в Оксфорд и разразился там бешеной антисоветской речью. В ней было все — ненависть, безумная злоба от осознания полного провала, от ощущения своего бессилия. Он закончил словами: «Я всегда буду защищать политику, направленную на свержение и уничтожение» Советского правительства.

Уроки империалистической интервенции в Советскую Россию в высшей степени актуальны и в наши дни. Главный из них состоит в том, что интервентам не удалось достигнуть своих целей: предприняв крестовый поход против социализма, они потерпели сокрушительное, позорное поражение.

Однако, как это часто бывает, политики, одержимые классово-ненавистью, оказываются неспособными учитывать уроки истории. В 1946 г. в Фултоне Черчилль и Трумэн, напуганные ростом мирового авторитета СССР, пытались помешать борьбе народов за свое социальное и национальное освобождение, объявили новый «крестовый поход» против сил мира и прогресса. Но и этот поход с треском провалился. Возникло и стало мощным фактором международной жизни содружество социалисти-

черкивал, что все, кто борется против большевиков, «приносят нам огромнейшую пользу». Теперь, после окончания войны с Польшей, Красная Армия «сосредоточится на Врангеле», прогнозировал Черчилль, а добив его, займется английскими войсками в Северной Персии и вообще на Востоке. Он вновь и вновь призывал поддержать Врангеля и немедленно прервать переговоры с Советским правительством.

Но коллеги Черчилля по кабинету не осмелились внять его призывам, предпочли пожертвовать эмоциями и руководствоваться здравым смыслом. Они сознавали, что Советская Россия завоевывает в Англии все больший и больший авторитет, что ряды ее сторонников растут, охватывая самые широкие слои общества. История любит парадоксы: в числе этих сторонников оказались даже близкие родственники самого Черчилля. Его двоюродная сестра, скульптор Клэр Шеридан, осенью 1920 г. приехала в Москву, чтобы вылепить бюст Владимира Ильича Ленина. Когда Черчилль узнал о «предательнице» в лоне собственной семьи, он пришел в бешенство и поклялся, что отныне не скажет кузине ни слова. Свою клятву он сдержал — об этом рассказано в автобиографической книге Клэр Шеридан²¹ «Голая правда».

В ноябре 1920 г. армия Врангеля была разгромлена. Крым стал советским. 16 ноября из Севастополя отплыли последние суда, увозившие остатки белогвардейских войск в Константинополь. А уже 17 ноября на заседании английского кабинета на Даунинг-стрит был поставлен на обсуждение вопрос о торговле с Советской Россией.

Перед началом заседания Черчилль распространил между членами кабинета меморандум с протестом против установления нормальных отношений между Англией и РСФСР. «Я не понимаю, — возмущался военный министр, — почему такая монархическая страна, как наша, с правительством, основывающимся на широком консервативном большинстве в парламенте, должна вопреки своей природе прощать все, что произошло в России, и перед лицом всего мира демонстрировать моральную поддержку этому противозаконному режиму?!». Но правительство Англии было вынуждено считаться с мнением рабочего класса, да и Сити заняло здесь твердую позицию. В октябре 1920 г. известный либеральный журналист А. Каммингс писал: «Я не встретил ни одного промышленника... который

снаряжения и военных запасов... Вероятно, будет дана санкция на помощь Врангелю английской авиации».

Советское правительство не отступило перед угрозами. Наступление Красной Армии в Польше продолжалось. Однако предъявленный английскими правителями ультиматум вызвал совершенно непредвиденную бурную реакцию внутри самой Англии: ее рабочий класс в едином порыве выступил на защиту Советской Республики. На многочисленных собраниях, митингах и демонстрациях трудящиеся протестовали против антисоветской политики правительства и требовали от лейбористской партии и тред-юнионов энергичных действий против возможной англо-советской войны. В борьбу активно включилась только что возникшая Коммунистическая партия Великобритании. Созванная 13 августа общеанглийская рабочая конференция приняла решение добиться, прибегнув в случае необходимости ко всеобщей стачке, ликвидации угрозы войны против Советской России, признания ее правительства и установления между двумя странами нормальных торговых и экономических отношений.

Правительство Ллойд Джорджа поняло, что играет с огнем, и пошло на попятную. Под давлением общественного мнения оно было вынуждено уведомить Польшу, что не сможет ничего предпринять в ее поддержку. Это было крупнейшей победой английского рабочего класса, высшей точкой движения под лозунгом «Руки прочь от Советской России».

Такое неожиданное развитие событий повергло Черчилля в уныние. Когда спустя полтора месяца Савинков через генерала Марша просил его обеспечить английскими военными материалами очередную замышляемую против РСФСР диверсию, Черчилль поручил Маршу передать в ответ следующее: «Я не могу помочь в этом деле, так как обязан следовать политическому курсу, принятому правительством. Но пусть господин Савинков не считает, что мои личные чувства к нему стали менее сердечными или что моя заинтересованность в его деле хоть сколько-нибудь ослабела. Однако я связан решениями моего правительства, частью которого я являюсь».

Тем не менее в частном порядке Черчилль продолжал поддерживать Савинкова, утверждая, что в его военных предприятиях «есть глубокий смысл». В представленном кабинету специальным меморандуме по русской политике военный министр под-

клищал он, — задумываемся ли мы о том, что с нами будет, если Польша потерпит поражение от большевистских армий или если ее правительство падет в результате внутреннего большевистского переворота?».

Узнав об освобождении Красной Армией Минска, Черчилль настаивал на немедленном военном вмешательстве Англии, чтобы «укротить» советского «тигра». Он разразился большой статьей в «Ивнинг Ньюс» под названием «Опасность заразы с Востока», где с пеной у рта доказывал, какую «страшную угрозу» для Европы несет с собой победа Красной Армии над белопанской Польшей. В статье Черчилль возвращался все к той же идее — он призывал Германию подняться на бой «против несущегося с Востока потока красного варварства».

Когда в Лондоне стало известно, что части Красной армии готовятся к штурму Варшавы, Черчилль ринулся на Даунинг-стрит, 10, где Ллойд Джордж вел переговоры с Л. Б. Красиным. На этот раз настроения премьера и военного министра совпали. Из зала совещания Ллойд Джордж передал Черчиллю записку, в которой писал: я сказал Красину, что, «если они не остановятся, английский флот через три дня будет направлен в Балтийское море». Как только советская делегация покинула резиденцию премьер-министра, кабинет приступил к обсуждению предъявленного Ллойд Джорджем ультиматума. В своих мемуарах Черчилль описывал впоследствии, какие чувства владели при этом английскими правителями: они сознавали свое бессилие, понимали, что «все формы военного вмешательства по существу невозможны. Не оставалось ничего, кроме слов и жестов».

Возможно, такие ощущения мемуарист и испытывал задним числом, но в момент самих событий он развернул немалую активность. Военный министр организовал соответствующую кампанию в прессе (например, газета «Тайме» призывала нацию «к такой же сплоченности и мужеству, с каким мы встречали мировой кризис 1914 г.»), готовил срочную военную помощь Врангелю. В телеграмме военному представителю Англии в Константинополе генералу Милну он сообщал, что «политическая ситуация с большевистской Россией» становится критической и, «возможно, мы возобновим нашу помощь Врангелю самым энергичным образом... Вам следует сделать необходимые приготовления, включая организацию миссии, отправку оружия,

Несмотря на официально принятый английским правительством курс, Черчилль был готов поддержать любое антисоветское начинание. Встречавшийся с ним в Лондоне Савинков писал 1 марта 1920 г. Н. В. Чайковскому, находившемуся тогда у Деникина в Новороссийске: «Вы догадываетесь, конечно, что Черчилль всей душой с вами». Военный министр пытался, как мог, поддержать и преемника Деникина — генерала Врангеля: он отказался отозвать английскую военную миссию из Крыма и приказал базировавшимся там судам английского военного флота оказывать Врангелю помощь в защите Перекопа.

События, развернувшиеся в конце апреля, помогли Черчиллю несколько воспрянуть духом: армия буржуазно-помещичьей Польши, реорганизованная и оснащенная на средства империалистов США, Франции и Англии, начала массированное наступление против Советской Республики. Черчилль горячо надеялся, что белополяки смогут захватить и отторгнуть от России Украину. За эту надежду он ухватился как за важный аргумент против заключения торгового соглашения с РСФСР. В представленном 11 мая 1920 г. на рассмотрение кабинета специальном меморандуме по этому вопросу Черчилль вопрошал: «Не лучше ли подождать и посмотреть, какое правительство в конце концов станет обладателем будущего урожая главной житницы России — Украины?».

В тот же день на заседании парламента военному министру был задан вопрос: оказывает ли его министерство какую-либо поддержку или военную помощь полякам «в их аванюре?». «Нет», — не моргнув глазом солгал Черчилль. Между тем в лондонских доках уже стояло готовое к отплытию судно «Джолли Джордж», которое должно было доставить в Польшу вооружение и снаряжение.

Как известно, докеры, узнав, что груз предназначен для борьбы против Страны Советов, отказались производить погрузку. Несмотря на все усилия Черчилля, оружие и снаряжение так и не было отправлено в Польшу.

6 июня в поддержку белополяков по указке Антанты выступили войска Врангеля. Однако Красная Армия сумела отразить их натиск и перешла в наступление на польском фронте.

Военный министр бомбардировал членов правительства письмами и меморандумами, требуя активной помощи силам контрреволюции. «Смотрим ли мы вперед, — патетически вос-

Для организации эвакуации из Новороссийска в качестве высокого комиссара на юг России был послан Хэлфорд Маккиндер²⁰. «Настоящий иноземец, решающий судьбу низшей расы», — писала о нем в дневнике находившаяся в те дни в Новороссийске А. В. Тыркова. На эвакуационном пункте, с горечью отмечала она, «англичане — хозяева, а русские вроде слуг». Церемониться с белоэмигрантами было незачем: для английских интервентов они уже не представляли никакого интереса.

Ллойд Джордж, находившийся в январе 1920 г. на мирной конференции в Париже, вызвал туда шесть своих министров (среди них и Черчилля) для обсуждения актуальных проблем государственной политики, в том числе и в отношении России. Несколько позже он рассказывал: «Когда мы совещались в Париже, Уинстон был страшно взволнован по поводу России. Я вынужден был держаться с ним очень твердо. Он был чрезвычайно настойчив и готов жертвовать людьми и деньгами». Деньгами — наверное, но что касается людей, то здесь английские интервенты были весьма и весьма экономны.

По официальным данным, опубликованным в Лондоне, из 2 тыс. англичан, находившихся на юге России, было убито в боях только шесть, на севере России — 194, на Балтике — 129, а всего на всех театрах гражданской войны в 1918–1920 гг. — 329 человек. За тот же период погибли миллионы русских людей. В России английские империалисты действовали теми же вероломными методами, что и при завоевании многочисленных колоний: добивались своего чужими руками, таскавшими для них «каштаны из огня».

Поставив крест на возможности справиться с Советской Республикой вооруженным путем, Ллойд Джордж взял курс на установление с ней торговых отношений. Начинаясь в 1920 г. в Англии экономический кризис обусловил усиленную заинтересованность английских капиталистов в торговле с Россией. Новая политика премьера привела Черчилля в крайнее возмущение. Присутствовавшая при его разговоре на эту тему с Ллойд Джорджем Фрэнсис Стивенсон записала в дневнике: решение о торговле с Россией «совершенно вывело Уинстона из себя, так как оно абсолютно и окончательно разрушает его надежды на продолжение войны на Востоке. Временами он кажется почти сумасшедшим...».

у мистера Ллойд Джорджа и обратился к нему с сильнейшим воззванием от имени России, которое оказало на премьер-министра серьезное воздействие. Он, безусловно, деловой человек». (Впоследствии в другой связи Черчилль подчеркивал, что они с Ллойд Джорджем ценят Савинкова «больше всех других антибольшевиков в России и больше, чем всех их, вместе взятых»). Черчилль обещал Деникину попытаться достичь договоренности о совместных действиях против большевиков между Ллойд Джорджем и приехавшим в Лондон Клемансо. Он действительно на следующий же день в резиденции Ллойд Джорджа убеждал обоих премьер-министров предпринять срочные меры по оказанию помощи белой армии. Но неизбежное поражение Деникина было для них слишком очевидно.

Разгром белогвардейских войск продолжался. 27 декабря английским военным министерством была получена телеграмма от Деникина с мольбой о помощи. Начальник Генерального штаба Г. Вильсон записал в связи с этим в дневнике: «Деникин утверждает, что сражается за наше дело, и так оно и есть». 10 января 1920 г. с личным письмом к Черчиллю обратился Юденич. Он сообщал, что ввиду перемирия, заключенного Эстонией с Советским правительством, Северо-Западная армия не может оставаться на эстонской земле. «В нашей беспримерной борьбе вы доказали, что являетесь искренним и открытым другом белой России», — писал Юденич и просил Черчилля прислать английские суда, чтобы переправить войска на помощь Деникину. Но Черчилль был бессилён откликнуться на эту просьбу. «Не вижу, что тут можно сделать», — написал он на обороте письма Юденича. В «личной и секретной» телеграмме генералу Хольману он вновь советовал Деникину добиваться перемирия: «Я не вижу никаких шансов на победу. С Колчаком и Юденичем покончено... Английское правительство не сделает больше ничего... Даже если Деникин продержится еще несколько месяцев, что это даст? Большевики сплотят против него все свои силы, и полное уничтожение будет единственным результатом».

14 января Черчилль был вынужден сообщить правительству о неминуемом поражении Деникина. Тогда же было принято решение послать в Новороссийск «не менее двух пароходов», чтобы обеспечить эвакуацию английской военной миссии и «некоторого числа дружественных беженцев, которым возможно будет помочь покинуть Россию».

Орел, 24-го — Воронеж. 22 октября колчаковцы были выбиты из Тобольска, 30-го — из Петропавловска. Под ударами Красной Армии белогвардейские войска откатывались все дальше и дальше.

«Уинстон в большом унынии по поводу России, — 7 ноября записал в своем дневнике Г. Вильсон, — поскольку Колчак вот-вот потеряет Омск, а Юденич отступает...». Однако приунывший военный министр не складывал оружия. Он продолжал с еще большим ожесточением клеветать на Советское правительство в парламенте, уговаривал Ллойд Джорджа, распространял среди членов кабинета длиннейшие меморандумы, требуя срочных активных действий в поддержку белогвардейцев и обращения за помощью к Финляндии, Румынии, Японии, США. 19 ноября Черчилль телеграфировал генералу Хольману, настаивая на необходимости как можно скорее начать переговоры с Советским правительством и, если возможно, прийти к соглашению. Как отмечалось в телеграмме, оно «позволит по крайней мере спасти от разрушения большую часть России». Эти слова были написаны Черчиллем вместо других, которые он вычеркнул, но они поддаются прочтению в архивном черновике телеграммы: соглашение «позволит, может быть, возобновить впоследствии борьбу при более благоприятных условиях». Вот зачем нужна была Черчиллю договоренность с Советским правительством. Кстати, такая договоренность теперь оказывалась, по его мнению, вполне приемлемой для «цивилизованного» общества!

Не желая смириться с поражением Деникина, Черчилль лихорадочно пытался поддержать его дух, подбодрить, стимулировать волю к борьбе. 11 декабря он отправил Деникину телеграмму в тысячу слов. В ней сообщалось, что в Россию уже отправлена в счет обещанных поставок «масса военных материалов, которых хватит на три-четыре месяца», а в дальнейшем можно будет «покупать у меня снаряжение по самым низким ценам» или получать его в обмен на сырье. Черчилль убеждал Деникина, что главная цель сейчас — достичь соглашения против большевиков с Польшей, Финляндией и Прибалтийскими странами. В связи с этим он настойчиво советовал отбросить всякие предубеждения и войти в контакт с Борисом Савинковым, пытавшимся его наладить. «У нас с Савинковым было много долгих бесед, и он произвел на меня большое впечатление, — говорилось в телеграмме. — Он был со мной

в телеграмме, будет доставлена на пароходе «Кассель» в Ревель. На нем же придут 400 русских офицеров из Ньюмаркетского лагеря. В тот же день Черчилль писал лорду Керзону: «Если Петроград будет взят, то благодаря нашим военным поставкам и при помощи британского флота».

В этот тяжелый для Советской Республики час английские интервенты шли в одной шеренге с белогвардейцами на всех фронтах гражданской войны. Генерал Нокс оставался с Колчаком в Сибири. Генерал Хольман находился в ставке Деникина. 47-й эскадрон английской авиации активно участвовал в наступлении на Москву. Отряды английской морской пехоты, высаженные на берег Финского залива, поддерживали атаку Юденича на Петроград. На всех трех фронтах действовали английские военные советники и офицеры. Все белые армии были экипированы английским снаряжением и обмундированием, снабжены английским оружием.

20 октября Черчилль согласовал с начальником Генерального штаба г. Вильсоном кандидатуру члена высшего британского генералитета, которого они собирались в ближайшие дни направить в Россию «для вступления в Петроград». Выбор пал на генерала Ричарда Хэйкинга. На следующий день военный министр составил для него подробный «Набросок инструкций» по руководству генералом Юденичем в первое время после захвата Петрограда. В этом документе определялось, как Юденичу вести себя в отношении Прибалтийских государств, как организовать публичные суды над «большевистскими преступниками» и т. п. Черчилль предупреждал, что Юденич ни в коем случае не должен открыто провозглашать установление в городе военной диктатуры, что ему следует «обставлять свои действия возможно большей видимостью опоры на конституционные начала». Хозяева спешили обучить своего подручного тонкостям английского политического лицемерия.

Но в тот самый день, когда Черчилль сочинял свои наставления на случай взятия Петрограда, части Красной Армии начали стремительную атаку против войск Юденича. Вскоре белогвардейцы потерпели здесь сокрушительное поражение. К этому времени обстановка на всех фронтах гражданской войны резко изменилась: дали себя знать энергичные меры, принятые Коммунистической партией, В. И. Лениным для спасения Советской Республики. 20 октября был освобожден от деникинцев

сплетника» из Владивостока. Керзон удовлетворил протест Черчилля, и О'Рейли был отозван.

В упоении от успехов Деникина и Юденича Черчилль чувствовал себя триумфатором. 14 октября он распространил среди членов кабинета меморандум на шести страницах, возвещавший, что «большевистская система с самого начала была обречена на гибель, так как противоречила основополагающим принципам цивилизованного общества». Теперь военный министр уже и мысли не допускал о заключении какого-либо перемирия с Советской властью. «Для любого цивилизованного правительства, — с пафосом утверждал он, — ни в коем случае невозможно установление нормальных мирных отношений с большевистским правительством».

Впрочем, от цивилизации Черчилль отлучал не только большевиков, но и вообще всю русскую нацию. Чего стоит, например, его разговор с Генри Вильсоном 16 октября 1919 г., когда Юденич стоял на подступах к Петрограду, а Деникин уже видел себя в Кремле! Дымя сигарой после вкусного ленча, самодовольный и благодушный, Черчилль поведал начальнику Генерального штаба, что собирается поехать к Деникину в Москву «ну как бы в качестве посла» и самолично изготовить для России новую конституцию. Оказывается, он уже обсудил эту идею с Ллойд Джорджем и тот был не против такого вояжа.

В восторге от того, что ему удалось (как он считал) покорить «темную и невежественную» Россию, потомок «просвещенных» английских аристократов собирался по-своему распорядиться ее государственным строем, ее образом жизни, ее положением в мире. Черчилль предназначал ей судьбу слабого и зависимого колониального вассала Великобритании, но с соблюдением тех призрачных законодательных норм, которыми так привык жонглировать «цивилизованный» империалистический Запад.

17 октября Черчилль отправил «секретную и личную» телеграмму Юденичу с поздравлением по поводу «заметных успехов в начавшемся наступлении». В телеграмме перечислялись военные материалы, которые английское военное министерство «крайне срочно» готовило к отправке Юденичу: танки, аэропланы, винтовки и снаряжение для 20 тыс. человек, зимнее обмундирование, 20 тяжелых артиллерийских орудий с запасом снарядов к каждому в 3 тыс. штук, 16 гаубиц с 3 тыс. снарядов к ним. Большая часть этого снаряжения, как сообщалось

еще на сумму 14,5 млн фунтов. О своей победе торжествующий Черчилль немедленно телеграфировал Деникину. Телеграмму, отправленную тому же адресату на следующий день, он заключал следующими словами: «Я переполнен радостью по поводу непрерывных замечательных побед, одержанных вашей армией, и ее неуклонного продвижения к цели».

А что же Ллойд Джордж, так недавно и так категорично отвергавший всякую мысль о новых расходах на русские дела? Он был поистине «гибкий» политик — сгибался перед силой обстоятельств, явно поворачивавшихся в другую сторону по сравнению с его прогнозами. Тут уж было не до флирта с рабочими, в воздухе запахло большими барышами для лондонского Сити.

10 октября Черчилль писал Ллойд Джорджу: «Мне кажется, что сейчас правильная политика для нас — способствовать согласию и совместным действиям Польши и Деникина». Чтобы стимулировать Польшу в этом плане, он предлагал, чтобы Англия и Франция взяли на себя вооружение и снаряжение польской армии.

В тот же день военный министр разразился гневным посланием Дж. Спендеру — редактору «Вестминстерской газеты», выступившему 10 октября на ее страницах с резкой статьей против российской контрреволюции и ее покровителей в Англии. Он упрекал Спендера в искажении фактов, в непонимании ситуации в России, в забвении интересов Англии. Черчилль горел негодованием; в эти дни, как отметил в своем дневнике лорд Керзон, военный министр смотрел «на каждого, кто не стоит на коленях перед Деникиным и Колчаком, как на двурушника и предателя».

Эта запись была сделана, видимо, под непосредственным впечатлением от возмущенного протеста Черчилля по поводу донесений в Форин оффис из Владивостока от английского высокого комиссара Уильяма О'Рейли. Последний негативно оценивал действия Колчака и к тому же позволил себе принять депутацию дальневосточной «общественности», жаловавшуюся на автократичное поведение адмирала. «Как он смеет, — кипятился Черчилль, — засорять телеграф бесконечными телеграммами о слухах и интригах во Владивостоке и нескончаемыми оскорблениями и злословием по адресу Колчака!» Военный министр обращался к лорду Керзону как к министру иностранных дел с категорическим требованием убрать «этого бестолкового

В те дни Черчилль наметил программу мероприятий, осуществление которых способствовало бы, по его мнению, скорейшему падению Москвы. Эта программа включала следующие пункты: продолжение поставок в Южную Россию; оказание нажима на закавказские республики (чтобы помешать их нападению на Деникина с тыла), на Румынию (чтобы заставить ее отказаться от поддержки сепаратистской армии Петлюры¹⁹), на Польшу (чтобы подтолкнуть ее к нападению на Советскую Россию с запада, в направлении Смоленска); недопущение как можно дольше заключения мира между Прибалтийскими странами и Советской Республикой; возобновление помощи белогвардейцам в Северной России; давление на Соединенные Штаты для обеспечения их поставок экипировки и зимнего обмундирования Колчаку и, наконец, «британская инициатива» в пользу «единства финансовых интересов России и Англии», чтобы установить «благоприятные условия кредита и торговли в огромных районах, недавно освобожденных армией Деникина».

Последний пункт был не менее важен для английских бизнесменов и в отношении районов, контролируемых армией Юденича. Здесь развернул активную деятельность все тот же Лич, затевавший в свое время крупную аферу с сахарозаводчиком Ярошинским. Еще в апреле Лич познакомился с приехавшими в Лондон экономическими представителями Юденича миллионером Юлием Гессеном и бывшим председателем Калашниковской биржи Воробьевым, устроил им встречу с большой группой (около 40 человек) членов парламента, которых они агитировали за оказание продовольственной помощи Северо-Западной армии. В октябре Лич был уже в Гельсингфорсе. Через своего агента, некоего Гарденина, он проник в ближайшее окружение Юденича и вел с ним переговоры об учреждении в Петрограде англо-русского банка с монополией на валютные операции.

Утешительные вести о продвижении белых армий к Москве и Петрограду окрылили Черчилля, удесятерили его энергию и напористость. Под его давлением военный кабинет, в глазах которого акции Деникина поднимались не по дням, а по часам, 7 октября принял решение ассигновать 3 млн. фунтов на материальную помощь Деникину. Но военный министр этим не удовлетворился. Уже на следующий день он добился согласия правительства на поставку снаряжения Деникину

но играя на их слабых струнах. Так, фанатику английской колониальной политики лорду Керзону он угрожал тем, что «большевизм может заполнить всю огромную территорию от Каспия до индийской границы», что, не препятствуя этому, Британская империя подвергает риску свои интересы в Персии и Афганистане.

Сторонникам скорейшего прекращения военной помощи белым армиям Черчилль обещал, что, как только будет достигнута «надежная граница», Англия выступит посредницей в мирных переговорах между Советским правительством и Деникиным как главой нового государства, простирающегося до берегов Черного моря, — Южной России со столицей в Киеве.

20 сентября Черчилль с торжеством сообщал Ллойд Джорджу о взятии Деникиным Курска, уверяя, что «ничто не может спасти большевистскую систему или большевистский режим. Ошибками с нашей стороны мы можем продлить агонию русского народа... Единственный вопрос, бросим ли мы его в этот решительный момент и таким образом потеряем все, чего с таким трудом добивались».

Черчилль засыпал Ллойд Джорджа предложениями и просьбами. Памятную записку на пяти страницах он озаглавил «Последняя помощь Деникину», другой меморандум, в пять тысяч слов, — «Русская политика». Военный министр доказывал, что самая простая и разумная политика — «осуществлять борьбу против большевиков всеми средствами, имеющимися в нашем распоряжении, по единому плану, сразу на всех фронтах».

А тем временем военное министерство не прекращало снабжения белой армии. В конце сентября Черчилль получил благодарственное письмо от генерала Юденича¹⁸: «Дорогой сэръ!.. Я приношу вам искреннейшие благодарности за своевременную помощь снаряжением и обмундированием, любезно предоставленную вами. Она избавила нас от страха перед надвигающимися зимними морозами и намного подняла дух наших войск. Прилагая все усилия в борьбе против общего врага, мы надеемся, что столь великодушная всегда Англия будет продолжать оказывать нам моральную и материальную поддержку».

6 октября деникинцами был захвачен Воронеж, 13 октября — Орел. «Заняв Орел, — вспоминал впоследствии член английской военной миссии лейтенант Роберте, — мы уже думали о том, на каких лошадях будем с триумфом въезжать в Москву».

который избрал для себя глава английского правительства. Тонкий и вдумчивый наблюдатель, бывший посол Временного правительства в Париже В. А. Маклаков¹⁷ так характеризовал позицию Ллойд Джорджа: «У него своя возня с рабочими, он, может быть, признанием большевизма бросит кость своим рабочим а, убрав сопротивление его мероприятиям, основанное на недоверии к нему как к противнику широких социальных уступок рабочим, добьется многого».

Категорический протест английского рабочего класса против политики интервенции определял и позицию лейбористской части парламента. На заседаниях палаты общин Черчиллю приходилось несладко. Так, во время одного из таких заседаний депутаты-лейбористы потребовали от военного министра дать отчет о стоимости содержания Ньюмаркетского лагеря, где проходили подготовку 12 тыс. русских офицеров — бывших военнопленных. Когда выяснилось, что на каждого из них еженедельно затрачивается 2 фунта 10 шиллингов (т. е. на лагерь в целом более 100 тыс. фунтов в месяц), Черчиллю была устроена обструкция:

«Депутат Эдвардс. Разве правительством разрешено тратить деньги на обучение русских офицеров с тем, чтобы они сражались против своих же русских?»

Военный министр. Конечно, кабинет дал на это свое согласие. Офицеры обучаются и экипируются для того, чтобы заменить нас в тех областях, за которые мы отвечаем.

Депутат Веджвуд. Но согласен ли англичанин, платящий налоги, платить за обучение русской армии, которая будет действовать против русского правительства?».

Депутаты-лейбористы резко критиковали действия военного министерства, настаивали на том, что по отношению к России оно должно «придерживаться мнения народа».

Но считаться с мнением широких народных масс Черчилль отнюдь не собирался. Он был вдохновлен продолжающимся наступлением Деникина, захватом Киева, успехом Колчака в сражении у реки Тобол и делал все от него зависящее, чтобы способствовать победе сил контрреволюции. Это была его заветная мечта, его главная цель. Война в России поглотила его целиком. Недаром летом 1919 г. в некоторых английских газетах сообщения с русского фронта публиковались под шапкой «Личная война мистера Черчилля».

Военный министр обращался к членам правительства, агитируя их за усиление помощи белогвардейцам и искус-

газета, — не видит, что недовольство непомерно дорогостоящими и реакционными авантюрами перерастает в серьезные “беспорядки” в нашей стране...».

Зато это видел Ллойд Джордж и весьма опасался реакции трудящихся масс Англии на действия военного министра. В ответ на домогательства Черчилля премьер, отдыхавший в то время на французском курорте Довиль, отправил в Лондон письмо-меморандум, адресованное Бальфуру, Черчиллю и лорду Керзону. «Я верю, — писал Ллойд Джордж, — что кабинет не допустит вовлечения Англии в какую-либо новую военную акцию в России... Что касается «огромных возможностей» для взятия Петрограда, который, как нам говорят, «у нас уже почти в кулаке» (премьер цитировал Черчилля. — *Н. Д., В. Т.*) и которого нам никогда не схватить, то мы слишком часто слышали о других «огромных возможностях в России», которые так никогда и не реализовались, несмотря на щедрые расходы для их осуществления. Только за этот год мы уже истратили более 100 миллионов на Россию. Мы послали туда отборные войска... Мы делали все, что в нашей власти, чтобы помочь адмиралу Колчаку использовать эти возможности, не только снаряжая его армию, но и санкционировав военную экспедицию для проникновения глубоко внутрь России и соединения с ним. Теперь его освободительная армия — или по крайней мере то, что от нее осталось, — во все лопатки удирает назад к Омску и уже вострит лыжи дальше — на Иркутск». Ллойд Джордж откровенно высказал в письме свое мнение о предприятии Юденича: «У него нет никаких шансов захватить Петроград... Он ничем не зарекомендовал себя как военачальник, и у нас нет доказательств, что он способен осуществить задуманное... Тот факт, что из населения в несколько миллионов антибольшевики смогли набрать только 20 или 30 тысяч человек, — еще одно свидетельство полнейшего непонимания ситуации в России, на котором строится наша военная политика...». «Россия не хочет, чтобы ее освобождали, — решительно заключал Ллойд Джордж. — Давайте поэтому займемся собственными делами, а Россия о своих делах пусть печется сама».

Эта суровая отповедь отражала накопившееся за год в душе Ллойда Джорджа и с трудом сдерживаемое им раздражение против военного министра. Черчилль активно мешал проведению того гибкого и по-своему хитроумного политического курса,

Джорджу. Он был полон радужных надежд: ставка на Деникина оправдывает себя, а то ли еще будет, когда Северо-Западная армия генерала Юденича предпримет новую, на этот раз сокрушительную, атаку на Петроград!

Военному министру прибавилось хлопот — теперь он был озабочен; тем, чтобы акция Юденича была поддержана германскими войсками в Прибалтике. В письме к министру иностранных дел Бальфуру Черчилль предлагал, чтобы немцы сформировали корпус из бывших русских военнопленных и использовали его для атаки на Петроград. Конечно, его смущало, что таким образом «возрастет германское влияние в Прибалтике», но, спрашивал он Бальфура, «разве не стоит того возможность нанести решительный удар» по Советской России? Уничтожение ее необходимо для выживания нашего мира, говорилось в письме. «Осуществится ли оно, я не знаю, но сегодня мы близки к этому, и любая возможность сплочения антибольшевистских сил в Прибалтике, или свержение Бела Куна в Будапеште, или соединение румынских армий с войсками Деникина... — все это чрезвычайно важные и обнадеживающие факторы на пути к решению, которого мы добиваемся».

Одной из главных забот Черчилля в эти дни была организация снабжения Юденича вооружением и боеприпасами. Он обращался за поддержкой к Ллойд Джорджу, Бальфуру, лорду Керзону, старался раздуть прославление Деникина и Юденича в английской прессе. Главной опорой его оставалась консервативная газета «Тайме». Летом 1919 г. она послала на Дон в качестве собственного корреспондента при ставке Деникина упоминавшегося выше Гарольда Вильямса. Регулярно публиковавшиеся на страницах газеты корреспонденции Вильямса из России были полны ненависти к Советской власти. В то же время белогвардейцы изображались «апостолами милосердия», бескорыстными рыцарями, отстаивающими интересы «общеклассовых, патриотических сил России». Подобным образом «Тайме» восхваляла и Юденича. Газета настаивала на том, что Англия должна оказать ему всяческую помощь, «чтобы от его мощного удара большевики уже не смогли оправиться».

Однако в лейбористской прессе громко звучали совсем другие голоса. Так, «Дейли геральд» предупреждала своих читателей, что исход событий в России еще не ясен. «Черчилль, как всегда совершенно не считающийся с общественным мнением, — писала

уголь России, вы получите мощные запасы нефти и скоро будете располагать главными источниками продовольствия. Мы довели вас до того момента, когда вы можете стоять на собственных ногах; мы не можем больше безвозмездно обеспечивать вас всем необходимым, хотя готовы торговать с вами на обычных началах».

Интересно, что в этот самый день, 12 августа, один из наиболее осведомленных представителей российской контрреволюции за рубежом, известный адвокат кадет М. С. Аджемов, писал своим товарищам кадетам, близким к Деникину: чтобы обеспечить помощь союзников, «нужно образовывать здесь валюту, а это возможно путем организации вывоза хлеба, угля, нефти и т. д. Это для победы нашей вопрос ее бытия или небытия. Обратите на это срочное внимание...».

Решение военного кабинета об отправке Деникину еще одной внуши тельной порции вооружения и обмундирования вселило в Черчилля новы» надежды на грядущие победы белой армии на юге России. Он продолжал верить, что Колчак также «еще не кончен», что операции белогвардейских войск достигнут своего апогея не позднее чем к рождеству, т. е. к декабрю 1919 г. Презрительно отзываясь о «явной военной слабости» большевиков, которым приходится сражаться против всех и вся, Черчилль уверял самого себя и окружающих, что «большевики едва ли смогут выступить следующей зимой, когда они будут отрезаны от горючего и продовольствия, с парализованными коммуникациями и сокращающимися запасами амуниции...».

Деникинская армия продолжала наступать. 18 августа она захватила Херсон и Николаев. Советским оставался лишь один порт на Черном море — Одесса. Черчилль поспешил послать срочную телеграмму французскому премьер-министру Клемансо с просьбой воздержаться от репатриации на родину через Одессу 50 тыс. русских солдат (посланных царским правительством во Францию в период первой мировой войны), чтобы, они не смогли влиться в ряды Красной Армии. «Продвижение Деникина, — говорилось в телеграмме, — единственная надежда на удовлетворительное решение русского вопроса на ближайшие несколько лет. Нельзя предпринимать ничего, что могло бы хоть в чем-то помешать возможности успеха генерала Деникина».

23 августа деникинцы ворвались в Одессу. «Наше дело растет изо дня в день», — торжествующе сообщал Черчилль Ллойд

политической борьбы. Как раз в этом вопросе идет водораздел между правительством и большинством палаты, с одной стороны, и настроением рабочих — с другой. Правительство... в лице Винстона Черчилля говорит одно, а делает, по счастью для нас, совершение другое. «Возьмем войска из России», а для этого пошлем новые подкрепления: вот ходячий образчик здешнего политического лицемерия».

Черчилль неустанно добивался усиления поддержки Деникину. Еще в апреле 1919 г., посылая на юг России нового главу английской военной миссии генерала Хольмана, военный министр передал с ним личное письмо Деникину, где подчеркивал стремление «всяческим образом помочь Вам в Вашей задаче сломить большевистскую тиранию». 29 мая он требовал от военного кабинета выделить 1 млн ф. ст. на железнодорожное оборудование и армейское обмундирование для деникинцев. Черчилль горячо поддерживал мнение вернувшегося в Лондон предшественника Хольмана генерала Бриггса о необходимости доставки из Англии на юг России оружия, снаряжения и обмундирования на 250 тыс. человек. По настоянию Черчилля военный кабинет выделил его министерству 100 тыс. ф. ст. только на «мелкие расходы» по делам интервенции. С особенным жаром он ратовал за предоставление Англией крупного займа Деникину. «Россия — очень большая страна, — убеждал он своих коллег по военному кабинету, — она в состоянии заплатить за все...».

12 августа 1919 г. было созвано специальное заседание военного кабинета для выработки английской политики в отношении Деникина и его армии. Черчилль произнес долгую и пылкую речь в поддержку Деникина, называя его «единственным светлым пятном в России». Военный министр превозносил «боевые качества его добровольческих войск», популярность Деникина среди населения и предсказывал ему скорый и полный успех.

Черчилля поддержал заместитель премьера Бонар Лоу, а также сам Ллойд Джордж, который заявил (учитывая, конечно, благоприятное военное положение Деникина): «Я склоняюсь к политике, предложенной мистером Черчиллем». Премьер-министр считал возможным продолжать снабжение белой армии снаряжением (но не солдатами) и произнес следующую тираду: «Мы должны сказать Деникину: в вашем распоряжении весь

в России... Давайте же наконец покончим с безумной манией мистера Уинстона Черчилля, военного авантюриста. Вернем наших солдат домой — если мы еще можем это сделать».

В тот же день военный министр принужден был объявить на заседании парламента, что все английские войска будут возвращены на родину раньше установленного прежде срока (15 октября). Большую часть речи Черчилль посвятил самооправданиям. Он доказывал, что проводил в отношении России лишь тот курс, который был намочен до его вступления на пост военного министра, и старался осуществлять этот курс «точно и добросовестно». Черчилль утверждал, что никто не сможет указать ни единого решения или обязательства, связанного с «интервенцией, вмешательством или сношениями с Россией», за которые он нес бы персональную ответственность.

Нечасто в своей жизни он выглядел так жалко. Значило ли это, что «интервент номер один» распрощался со своими азартными и авантюристическими завоевательными прожектами, смирился с поражением? Нет, не таков был Уинстон Черчилль. Он не только не подал в отставку (как грозился в разговорах с друзьями), но в тот же самый день уже прокладывал новое главное русло для своей антисоветской активности. В протокольной записи речи Черчилля на заседании военного кабинета от 29 июля значится, что он «особенно желал избежать такого положения, при котором решение об эвакуации с севера России было бы утверждено без принятия определенной политики в отношении Южной России». «Единственное место, где есть еще возможность что-то сделать, — это районы, находящиеся под властью генерала Деникина», — заявлял военный министр и призывал оказать Деникину всемерную помощь, снабжая его продовольствием, товарами и военным снаряжением. Он подчеркивал крайнюю важность поддержки Деникина на этом этапе, поскольку «результаты военных операций в течение трех будущих месяцев могут решить всю судьбу России».

Итак, утром в парламенте Черчилль произносит для широкой публики «покаянную» речь в связи с политикой в России, а вечером в узком правительственном кругу намечает новые далеко идущие планы в отношении Страны Советов. Недаром находившийся в то время в Лондоне П. Н. Милюков¹⁶ сообщал в своем отчете кадетскому Национальному центру: «Несомненно, что вопрос о помощи России является сейчас функцией внутренней

Английская флотилия — важная составная часть сил Северного фронта, — чтобы не сесть, на мель, вынуждена была переместиться ближе к устью реки и была захвачена частями Красной Армии. Теперь всякая надежда на соединение архангельских частей с силами Колчака исчезла.

Подавленный печальными известиями, Черчилль был вынужден признать на заседании военного кабинета, что корень зла следует искать не в уровне реки, а в том, что артиллерия у большевиков «большого радиуса действия, чем наша». Главное же, по его словам, состоит в том, что моральное состояние Красной Армии выше, чем у тех, кто ей противостоит.

Действительно, с Северного фронта все чаще поступали сообщения о волнениях в войсках белогвардейцев и интервентов, 7 июля вспыхнул «бунт» в русском батальоне, находившемся в резерве на правом берегу Двины. Были убиты трое английских и четверо русских офицеров, а «зачинщики» вместе с группой солдат перешли к большевикам. 22 июля произошло восстание в войсках в районе реки Онеги, в секторе генерала Мейнарда. Русский полк перешел через линию фронта и сдался красноармейцам. Что ни день из России приходило новое известие того же рода.

Ллойд Джордж открыто выражал свое недовольство Черчиллем и его линией. Вполне готовый поддерживать военную борьбу против большевиков в момент успеха, он при первых же неудачах занял (по выражению секретаря военного кабинета Мориса Хэнки) позицию «я вам это говорил». Наблюдавший обоих в те дни Хэнки отмечал в дневнике, что Черчилль очень подавлен, а премьер донимает его постоянными попреками.

Министр просвещения Фишер также зафиксировал в дневнике свои впечатления от июльских встреч с Черчиллем: «Он весь горит по поводу России. Не хочет видеть, что наша экспедиция туда непопулярна. Чувствует себя униженным при мысли об эвакуации из Архангельска». 28 июля Черчилль имел долгую беседу о русских делах с Генри Вильсоном, отразившим ее содержание в своем дневнике: «Уинстон очень взволнован и поговаривает об отставке».

А на следующий день газета «Дейли экспресс» вышла с передовой статьей, в которой в соответствии с господствующим среди народных масс Англии настроением резко осуждалась политика Черчилля: «Страна совершенно не желает вести большую войну

принцип английской внешней политики — переложить всю тяжесть борьбы на плечи союзника и при этом как можно шире воспользоваться результатами победы — Черчилль усвоил великолепно. Этим принципом он руководствовался и в годы второй мировой войны, всемерно затягивая открытие второго фронта и стремясь урвать кусок пожирнее на послевоенной конференции в Потсдаме.

Настояния и посулы Черчилля, а еще больше сведения об успехах белогвардейских армий оказали воздействие на Ллойд Джорджа. Английская делегация сыграла ведущую роль в том, что в мае 1919 г. Парижская мирная конференция приняла решение признать Колчака правителем всей России.

Однако уже в том же месяце белогвардейское наступление на Восточном фронте захлебнулось, а в июне Черчилль был вынужден сообщить на заседании палаты общин, что «за последнюю неделю войска Колчака отброшены на 120 миль». Неважно обстояли дела и на Северном фронте. 20 июня английские и белогвардейские части при поддержке английского флота и авиации продвинулись к югу по реке Двине, но затем и здесь военные операции застопорились.

Непостижимая для Черчилля стойкость Красной Армии приводила его в ярость. В июне и июле его выступления в печати и в различных аудиториях против Советского правительства приобретают все более резкий характер. Особенно злобной была статья в еженедельнике «Уикли диспетч» о необходимости скорейшего «избавления» России от большевиков. В каждой стране большевизм, говорилось в статье, означает «самую беспощадную гражданскую войну между вечно недовольными, преступными и мятежными классами, с одной стороны, и согласными с законом и придерживающимися его — с другой».

Верил ли он сам в то, что говорил и писал? Едва ли. Кто, как не сам Черчилль, мог сознавать с полной ясностью, что без помощи белогвардейщине из-за рубежа продолжение гражданской войны было бы невозможно. Не потому ли с таким остервенением он добивался всемерного расширения этой помощи? А если даже верил, то как тогда мог объяснить успехи Красной Армии, испытывавшей недостаток в продовольствии, боеприпасах и снаряжении?

В начале июля, когда кончилось таяние снегов и прекратились обильные дожди, уровень воды в Двине резко понизился.

британских войск, — писал он начальнику Генерального штаба Генри Вильсону 22 апреля, — сможет помочь силам Колчака сомкнуться с нашим левым флангом Архангельского фронта». На следующий день при личной встрече Черчилль обсуждал с Вильсоном ситуацию в России. Говорили о том, что добровольцами на север России записалось около 35 тыс. человек — гораздо меньше того числа, на которое они рассчитывали. И все же этого достаточно, чтобы Генеральный штаб мог войти в военный кабинет с предложением «как следует ударить в направлении Вятки для соединения с Колчаком перед тем, как ретироваться с русского Севера».

Нокс телеграфировал из Екатеринбурга, что армия Колчака, по расчетам его генералов, должна занять Котлас и Вятку к концу мая. Если антибольшевистские силы севера и Сибири сольются, предвкушал Нокс, «это даст возможность открыть наилучший путь для английской торговли».

Настроения английских вождей интервенции были самые оптимистические. Колчак достиг «весьма заметных успехов», писал Черчилль Ллойд Джорджу. Он имеет «очень хорошие шансы» достичь Волги и даже развить наступление дальше на запад, по направлению к Москве. «Мы можем, я думаю, утверждать, — продолжал военный министр, — что оказываем Колчаку более эффективную помощь, чем другие великие державы, поскольку мы послали ему оставшегося у нас военного снаряжения на 12 млн. фунтов и усилиями наших офицеров и агентов эта огромная масса пропущена через Сибирскую железную дорогу». Эту «уже очень существенную» материальную помощь Черчилль предлагал дополнить моральной поддержкой, признав Колчака «верховным правителем России».

Просьбу военного министра премьер обсуждал с приехавшим в Париж Генри Вильсоном 27 апреля за обедом и на следующий день за завтраком. Вильсон сразу же сообщил Черчиллю, что реакция Ллойд Джорджа была неопределенной: он «не отвергает эту идею, хотя и не относится к ней с таким энтузиазмом, как мы».

Получив письмо Вильсона, Черчилль поспешил снова обратиться по этому поводу к премьер-министру и на сей раз выразил свою позицию со всей возможной откровенностью. «Не сердитесь на меня за моего Колчака, В самом деле, есть реальная надежда, что он *будет таскать каштаны из огня для всех нас* (курсив наш. — Н. Д., В. Т.)». Излюбленный

был весьма обеспокоен тем, чтобы английские части на севере России не успели окончательно «разложиться» до прибытия свежих подкреплений. В начале апреля он написал послание солдатам, в котором горячо уверял, что их «безопасность и благополучие» составляют главную заботу военного министерства, «твердо намеренного сделать все, что в его силах» для их «благополучного возвращения домой». Однако, подчеркивалось в послании, «и ваша жизнь и возможность вновь увидеть свой дом» целиком зависят от «вашей дисциплины и проявления истинных британских боевых качеств», от «решительной и преданной службы». «Деритесь, как подобает британцам, — призывал Черчилль, — и покажите пример в этих трудных условиях войскам любой другой страны».

В общественном мнении Англии само имя Черчилля стало символом оголтелой антисоветской политики. Осуществление этой политики Черчилль рассматривал как дело своей жизни. В доверительных разговорах с друзьями он признавался, что готов скорее подать в отставку, чем согласиться с «позорным отступлением из России».

В апреле 1919 г. английское казначейство вошло в правительство с предложением прекратить субсидирование русской белогвардейской военной миссии в Лондоне. Черчилль был вне себя от «близорукой» акции финансистов. В письмах к министру финансов Остину Чемберлену он призывал «всячески поддерживать» русскую военную миссию, предвещая, что «может не пройти и года, как они станут представителями правительства, действующего от имени воссоединенной России. Как недалновидно с нашей стороны было бы лишать их помощи!».

В это время развитие событий казалось обнадеживающим: войска Колчака¹⁵ перешли через Каму и готовились к наступлению на Казань и Вятку. Черчилль приободрился. Открылось судоходство по северным морям, и в Архангельск было переправлено большое количество снаряжения и обмундирования. 9 мая в газетах появилось сообщение о погрузке на суда добровольческих частей, отправлявшихся в Архангельск, а также 10 млн. ружей и 10 млн пачек патронов. По решению военного кабинета английские войска должны были до конца лета 1919 г. полностью эвакуироваться. Однако Черчилль надеялся, что в течение мая, июня и июля они, выступая совместно с белогвардейскими частями, смогут продвинуться далеко вперед. «Присутствие

в Архангельск газ «как можно скорее». Черчилль полностью одобрил это решение.

Одновременно готовились и «отравляющие средства» в области пропаганды. Еще в ноябре 1918 г. военный кабинет дал распоряжение собирать материал о «жестокостях большевиков» для «полной и скорейшей публикации». Напоминая об этом, Черчилль 28 марта 1919 г. писал лорду Керзону о необходимости срочно опубликовать специальную «Синюю книгу» на эту тему. Керзон обещал «проталкивать» ее выпуск «изо всех сил». 9 апреля на рассмотрение парламента был представлен плод, усилий Черчилля, Керзона и их сотрудников, переименованный в процессе публикации из «Синей» в «Белую книгу» (с подзаголовком «Сборник донесений официальных представителей Его Величества в России, и английских подданных, недавно возвратившихся из этой страны»).

Во время обсуждения этого пасквиля в палате общин выступил лейборист Джошуа Веджвуд. В 1918 г. он являлся членом британской военной миссии в Сибири и потому мог оценить «Белую книгу» с точки зрения очевидца описываемых в ней событий. Протестуя против представленной парламенту стряпни, Веджвуд заявил, что все собранные в ней истории о «жестокостях большевиков» не что иное, как «анонимные сплетни».

Однако Черчилль в своих речах и выступлениях без устали цитировал «Белую книгу», распинаясь на излюбленные им темы об «ужасах большевистской тирании», о «предательстве», якобы совершенном Советской Республикой. «Гибель каждого английского и французского солдата, убитого в прошлом году, — вещал он на публичном собрании в Лондоне 11 апреля, — дело рук Ленина», результат «предательства по отношению к союзнику, не имеющего параллелей в мировой истории!».

Черчилль был прекрасно информирован о том, что Советское правительство никогда не заключало никаких военных договоров с империалистами Антанты, а те, которые были заключены царским и Временным правительствами, в первых же своих актах объявило аннулированными. Поэтому щедро рассыпавшиеся Черчиллем громовые обвинения в адрес большевиков в предательстве были наглым политическим блефом, рассчитанным на неосведомленность аудитории о реальной политической ситуации в России.

Стараясь любыми средствами заглушить протесты внутри страны против продолжения интервенции, Черчилль в то же время

сообщил ему, что не намерен вмешиваться в распоряжения военного министра, связанные с перемещением британских войск на севере России.

Обрадованный Черчилль, передав премьеру в Париж по телефону «тысячу благодарностей», приступил к немедленным действиям. Ссылаясь на «чрезвычайные полномочия», полученные от главы правительства, он предписал генералу Харингтону немедленно объявить дополнительный набор добровольцев. Вербовать их следует на девять месяцев, выдав сверх жалованья по 30 фунтов в качестве поощрения. «Таким образом можно очень легко найти новые возможности для добровольного вступления людей в армию». О каких «добровольцах» шла речь? Отец одного из них писал в редакцию газеты «Дэйли Геральд»: «Я получил письмо от моего сына... Народу нашей страны говорят, что в Россию отправляется добровольческая армия. Это неправда, ибо мой сын говорит, что никто из них не желал отправиться в Россию. Солдат послали против их воли, они возмущены этим».

Генерал Харингтон не только полностью поддержал стремление военного министра активизировать действия на севере России, но и выступил с собственной инициативой. Он предложил снабдить части генерала Айропсайда отравляющими газами, которые прошли испытание в последние месяцы первой мировой войны, но никогда еще не применялись в деле. Черчилль колебался. Наивно было бы думать, что его пугала перспектива пустить в ход страшное химическое оружие. Военного министра заботило другое. «Уверены ли вы, — спрашивал он Харингтона, — что разумно обнаружить секрет нашего нового газа ради такого ограниченного употребления, какое возможно при масштабах действий в Северной России?». Харингтон ответил, что эксперты по газу из военного министерства высказались в пользу его применения на севере России.

Черчилль был вполне удовлетворен. «Конечно, мне бы очень хотелось угостить большевиков газом, если мы можем себе это позволить», — писал военный министр. Не менее хотелось того же и генералу Айронсайду, как он сообщал в военное министерство. Оттуда известили, что при первой возможности будут посланы 24 офицера — специалиста по газовому оружию со всем необходимым снаряжением. Метеорологические данные позволяли надеяться, что с 1 мая можно будет начать навигацию. На заседании военного кабинета было решено с ее открытием послать

находятся на той же стадии разложения, что и десантные части на севере, в Париже принято решение об эвакуации их из Одессы. Для Черчилля это было полнейшей неожиданностью. Еще больше его вывело из себя известие о том, что при обсуждении вопроса об интервенции во французской палате депутатов была названа «точная цифра» воинских ресурсов интервентов на севере России, а представители правительства во всеуслышание заявляли: больше туда не будет послан ни один человек. В телеграмме Ллойд Джорджу Черчилль излил свое крайнее возмущение французами, которые «раскрывают врагу нашу слабость и намерение эвакуироваться».

На заседании военного кабинета Черчилль позволил себе откровенно высказаться по этому поводу в адрес французов: их «безнравственные» заявления «полностью скомпрометировали нашу позицию в Северной России и подвергают большой опасности жизнь наших солдат, а ведь их на этом театре насчитывается около 13 тысяч».

Черчилль телеграфирует французскому главнокомандующему маршалу Фошу, шлет «личное и секретное» письмо премьер-министру Франции Клемансо. Цель этих обращений — предупредить уход французских частей с территории севера России. «Я подготовил мощную бригаду добровольцев, — сообщал он Клемансо, — и держу суда наготове, чтобы переправить ее как только будет возможно». Черчилль, просил заменить французские войска в Архангельске, «уставшие от всего, через что им пришлось пройти, и в значительной степени утратившие боевой дух и дисциплину», «свежими надежными частями». В ответном письме Клемансо обещал прислать пехотный батальон и три артиллерийские батареи взамен эвакуированных из Архангельска частей. Для французских вождей империалистической интервенции официальные обещания их правительства значили так же мало, как и для их английских сообщников.

Одновременно Черчилль усилил нажим на Ллойд Джорджа, добиваясь прямого указания, что тот не будет противодействовать отправке новых пополнений на север России. Адмиралтейство за два дня может собрать 900 добровольцев, готовых туда ехать, уверял военный министр; может быть, посылать подкрепления и не понадобится, но на случай крайней необходимости ему нужна полная свобода рук. Ллойд Джордж не устоял перед натиском Черчилля и 3 апреля в краткой, но решительной телефонограмме

Черчилль энергично принялся за подготовку похода адмирала Колчака, который должен был начаться весной 1919 г. Началась широкая пропаганда в пользу Колчака в прессе, развернулась кампания по набору добровольцев. Увлечение Колчаком стало модой в лондонском буржуазном обществе; разодетые дамы носили в буфетных жетоны с его портретом.

Лагерь российской контрреволюции связывал большие надежды с именем Черчилля. Члены русской делегации, состоявшей из представителей различных контрреволюционных течений и посланной в Европу для агитации в пользу «белого дела» (так называемая Ясская делегация), по возвращении в Россию докладывали Национальному центру: «Черчилль обнаруживает полную готовность идти навстречу нашим пожеланиям, и во исполнение их производится заготовка военного и иного снаряжения на 250 тыс. армию. Что касается поддержки живой силой, то таковая оказывается путем набора добровольцев, причем и частный, почин приходит на помощь денежными средствами. Но все это делается в тишине и даже не проникает в печать».

Между тем развитие событий не радовало военного министра. В марте 1919 г. победила социалистическая революция в Венгрии. Когда сообщение об этом обсуждалось на заседании военного кабинета, Черчилль настаивал на том, чтобы Англия взяла на себя оснащение румынской армии для использования ее против «русских и венгерских большевиков». Не получив поддержки, он, по словам одного из участников заседания, «очень разгорячился и предрекал скорую и обширную катастрофу» как результат неразумных решений Парижской мирной конференции¹⁴.

Через три дня, 27 марта, последовал меморандум от руководителя военных операций генерал-майора Рэдклиффа, предупреждавшего об опасной военной ситуации на севере России. Войска под командованием генералов Мейнарда и Айронсайда ненадежны, говорилось в меморандуме, «они устали, потеряли боевой дух, рвутся на родину и предрасположены к бунту. Их моральное состояние бесспорно на столь низком уровне, что они легко становятся жертвами очень активной подстрекательской пропаганды большевиков, ведущейся врагом со все возрастающей энергией и искусством».

28 марта Черчилля постиг новый удар. Стало известно, что поскольку французские интервенционистские войска на юге России

Безрассудный и автократичный Черчилль, презиравший «толпу», готов был, как всегда, идти напролом к достижению своих целей. Но осторожный Ллойд Джордж боялся, что расширение интервенции закончится провалом и заражением Англии «революционным вирусом». «Россия — это джунгли, — говорил он, — где никто не может сказать, что его ждет за ближайшим поворотом... Немцы, находившиеся на расстоянии всего одного удара от Петрограда, практически не имея перед собой никакой преграды, так и не смогли войти в этот город. В нашем же случае союзники находятся на самом краю России, с менее чем сотысячной армией. Большевики увеличили численность своих войск до 300 тысяч (а к будущему марту это число может возрасти до 1 млн.) и значительно улучшили свою организацию. Где мы возьмем войска, чтобы проложить себе путь вовнутрь России и покорить эту страну?».

Ллойд Джордж выражал мнение той части буржуазных политиков Запада, которые, по словам В. И. Ленина, видели, «что разложение союзнических войск в России... уже начинается; — что продолжение военного вмешательства и попытки победить Россию, требующие миллионной оккупационной армии на долгое время, что этот путь есть вернейший путь для самого быстрого перенесения пролетарской революции в страны Антанты».

Большинство членов кабинета поддержало точку зрения премьера. Таким образом, новый военный министр был лишен возможности активно действовать в духе своей агрессивной позиции и направить в Россию дополнительные мощные войсковые соединения.

Но не такова была властная и азартная натура Черчилля, чтобы он смог покорно подчиниться препятствующей его воле узде. Уже в первый день своей деятельности в военном министерстве, 14 января 1919 г., Черчилль послал пространную телеграмму генералу Мейнарду в Мурманск и генералу Айронсайду в Архангельск, подтверждая необходимость пребывания английских войск в России. «Это вопрос не столько военного значения, сколько морального эффекта, — подчеркивал он. — Лучше рискнуть несколькими тысячами людей... чем допустить крушение всей русско-сибирской (читай: белогвардейской. — Н. Д., В. Т.) системы сопротивления. Что же это будет за мирный договор, если вся Европа и Азия от Варшавы до Владивостока окажутся под властью Ленина?».

скими войсками фельдмаршалу Монтгомери телеграмму; в ней предписывалось «тщательно собирать и складывать германское оружие, чтобы его легко можно было снова раздать германским солдатам, с которыми нам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление продолжалось».

Так на заключительном этапе войны Черчилль готов был вступить в сговор с недобитыми нацистами и вместе с ними повернуть оружие против своего союзника — СССР. Старая идея Черчилля об использовании Германии против Советской России легла в основу английской послевоенной внешней политики и привела в дальнейшем к ремилитаризации ФРГ и включению ее в агрессивный блок НАТО¹³.

Но вернемся к осени 1918 г. 14 ноября военный кабинет утвердил дальнейшую программу английской интервенции в России. Было решено продолжить оккупацию Мурманска и Архангельска, официально признать контрреволюционное правительство в Омске, пополнить и укрепить британские войска в Сибири, обеспечить военную помощь армии генерала Деникина, оккупировать Бакинско-Батумскую железную дорогу на Кавказе и организовать поставки военного снаряжения буржуазным правительствам Латвии, Литвы и Эстонии.

Черчилль выступал в те дни как один из самых пылких трубадуров интервенции. На заседании военного кабинета 31 декабря 1918 г. он заявил: «Мы должны сказать русским, что, если они готовы сплотиться на борьбу, мы им поможем; но если они откажутся, мы употребим силу, чтобы восстановить ситуацию и учредить демократическое (читай: контрреволюционное. — *Н. Д., В. Т.*) правительство».

В начале 1919 г. Черчилль в своей политической карьере поднялся еще на одну ступеньку. После декабрьских выборов 1918 г. Ллойд Джордж сформировал новый кабинет и предложил ему портфель военного министра. Это был важный пост, позволявший существенно влиять на правительственные решения по внешнеполитическим вопросам. А главное, в руках военного министра сосредоточивалось управление вооруженной борьбой против Советской России.

Но оказалось, что устремления военного министра прямо противоположны желаниям народных масс Англии. Уже в самом начале 1919 г. в стране началось бурное стачечное движение. В армии то и дело вспыхивали волнения из-за задержки демобилизации. Атмосфера в стране накалялась.

скву телеграмму, «угрожающую репрессиями Ленину и другим лидерам правительства», если жизнь британских подданных в России будет подвергаться опасности. 20 сентября по приказу английских палачей были расстреляны в песчаной пустыне Закаспия 26 бакинских комиссаров¹². От разгула контрреволюционного террора страдало население всех районов, оккупированных интервентами.

Как хотелось империалистическим агрессорам расправиться с революционной Россией! Сам Черчилль рассказывает в своих мемуарах о планах подавления революции, «которыми так много бредили наяву» государственные руководители Великобритании.. Эти планы особенно бурно роились в их умах в те дни, когда английские народные массы ликовали в связи с окончанием первой мировой войны.

Вечером 11 ноября 1918 г., в день заключения перемирия, Черчилль и Ллойд Джордж обедали вдвоем в резиденции премьера. «С улицы, — вспоминает Черчилль, — к нам доносились песни и радостные крики толпы, напоминавшие гул морского прибоя». Но руководители Англии были во власти других настроений. «Не было ощущения того, что дело сделано, — пишет Черчилль, — еще остались иные враги; у победителей оспаривают власть новые силы». Под новыми силами он подразумевал победившую социалистическую революцию и революционную волну, захлестнувшую ряд стран Европы. В тот вечер оба со- трапезника пришли к единому мнению — революцию нужно «усмирить войной. Но как это сделать? Рецепт был предложен Черчиллем еще накануне, на заседании военного кабинета, где он провозгласил: «Мы должны воссоздать немецкую армию! Крайне важно вновь поставить Германию на ноги, чтобы с ее помощью воспрепятствовать распространению большевизма».

Ноябрьская революция в Германии помешала осуществлению этих замыслов Черчилля. Но столь блестящая идея не изгладилась из его сознания. Она обрела новую жизнь почти через тридцать лет, на исходе второй мировой войны. Это было, как впоследствии поведал сам Черчилль, в апреле 1945 г., когда Советская Армия в тяжелых, кровопролитных боях добывала победу над ожесточенно сопротивлявшимися фашистскими войсками. В то же самое время союзникам гитлеровцы, по словам Черчилля, «сдавались сотнями тысяч». В те дни премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль направил командующему англий-

Недаром В. И. Ленин в написанном летом 1918 г. «Письме к американским рабочим» подчеркивал, что английские империалисты «побили рекорд не только по количеству награбленных колоний, но и по утонченности своего отвратительного лицемерия».

В течение июля семитысячное союзническое войско, состоявшее главным образом из английских солдат и под английским командованием, высадилось в Мурманске и Архангельске. Два английских батальона сошли на берег во Владивостоке.

Интервенты поспешили войти в контакт с главарями белогвардейского мятежа в Ярославле. Помощник командовавшего мятежниками полковника Перхурова полковник Злуницын в своих дневниковых записях отмечал, что в июле 1918 г. из-под Архангельска в Ярославль «прилетел аэроплан. Английский летчик привез мне бумагу, в которой англичане приглашают пробиваться на север, к Архангельску. Обещают снаряжение, обмундирование, питание».

Еще в июне 1918 г. британская разведка организовала антисоветский мятеж в Средней Азии, в результате которого в Асхабаде было образовано контрреволюционное правительство. «По соглашению» с ним в Туркестан были введены английские части. 4 августа интервенты, действовавшие в сговоре с местными контрреволюционными силами, высадили свои войска в Баку, доставив их через Иран и Каспийское море. Одновременно осуществлялось вторжение в Россию военных соединений других стран, участвовавших в интервенции.

В августе 1918 г. органами ВЧК был раскрыт контрреволюционный заговор, возглавлявшийся Р. Локкартом. При задержании участников заговора в перестрелке был убит английский морской атташе капитан Кроми. Известия об этих событиях привели Черчилля в ярость, которую он излил в документе, направленном военному кабинету. «Единственная политика, которая представляется эффективной, — говорилось в нем, — установить, что конкретных лиц, входящих в большевистское правительство, постигнет справедливое возмездие, сколько бы времени это ни потребовало, и заставить их почувствовать, что это возмездие станет важной целью британской политики и будет твердо преследоваться на всех этапах войны и послевоенного урегулирования».

Документ произвел впечатление. На заседании военного кабинета 4 сентября 1918 г. было принято решение послать в Мо-

немцами... Но в июне 1918 г. не возникало никакой опасности, что немцы могут завладеть Россией». Так что единственной реальной целью комитета являлось свержение Советской власти. Неудивительно, что это сборище злобных врагов Советской России пользовалось благосклонным покровительством Черчилля. Члены комитета, как писала Тыркова, «нашли себе поддержку в парламенте, где образовалась целая группа, дружественная нам... Винстон Черчилль, опираясь на этих парламентариев, повел энергичную и практическую кампанию за поддержку русских государственных (читай: контрреволюционных. — Н. Д., В. Т.) сил. В результате у добровольческой армии появились сапоги и тапки».

16 июля один из активнейших членов комитета, генерал-майор Альфред Нокс, получил приказ от военного комитета отправиться во Владивосток и «представлять там британские военные интересы». Смысл этой официальной формулировки раскрыл на заседании военного кабинета 22 июля один из его членов, лорд Роберт Сесиль. «Цель назначения Нокса, — объяснил он, — собрать дружественные нам элементы русских войск и сформировать из них армию».

В этот же день, 22 июля, в Москву прибыла официальная английская экономическая делегация во главе с Уильямом Клерком. В состав ее входили горнопромышленник Лесли Уркварт, владелец Кыштымского завода на Урале (по словам Локкарта, ярый сторонник интервенции), и чиновники торгового отдела Форин оффис Эрмистед и Петере. «Эти господа, — пишет Локкарт, — приехали с целью наладить русско-английские торговые сношения. У меня язык прилип к гортани». Локкарт достоверно «знал, что наша интервенция только вопрос дней... Английские войска несомненно находились уже на пути в Архангельск». Кроме того, он справедливо считал, что, поскольку англичане оказывают поддержку воюющему против большевиков чехословацкому корпусу, они уже находятся в состоянии войны с Советской Республикой. «А тут вдруг, — продолжает Локкарт, — появляется в Москве английская экономическая делегация, рассыпается в заверениях мира и расписывает прелести нормальных торговых сношений! Возможно ли придумать больший фарс? Удивительно ли, что большевики упрекали меня в двуязычии и клеймили интриги коварного Альбиона!».

называли «единственным мужчиной» в кадетском ЦК. Вильяме в течение многих лет был аккредитован в Петербурге в качестве корреспондента крупнейших английских буржуазных газет — «Тайме», «Манчестер гардиан», «Дейли кроникл». Усилиями Вильямса события в России на страницах этих газет освещались в чисто кадетском духе. А после Октября он вложил немалый вклад в то «мифотворчество» по поводу Советской власти, о котором писала «Правда».

Весной 1918 г. Тыркова и Вильямс выехали из России и обосновались в Лондоне. Здесь они сыграли важную роль в установлении непосредственных контактов между белогвардейцами и империалистической Англией. Используя широкие связи Вильямса, супруги проникали в самые высокие сферы. Они бывали гостями в домах Ллойд Джорджа и других государственных деятелей, «китов» британской прессы и везде вели бешеную агитацию в пользу интервенции.

При активном участии Тырковой и Вильямса и посильном содействии Черчилля в английском министерстве информации и пропаганды был создан комитет «для общих действий в русской политике». В этот комитет, кроме Вильямса, вошли генерал А. Нокс, бывший в 1911–1918 гг. военным атташе в Петрограде; член палаты общин С. Хор — будущий министр иностранных дел, ярый антикоммунист; чиновники министерства иностранных дел Питере и Липпер, состоявшие в свое время на дипломатической службе в России; писатель Уолпол; профессор истории Бернард Пэйрс (один из основателей реакционной зарубежной «россики»), тесно связанный с русской буржуазно-кадетской профессурой. В качестве председателя комитета был приглашен бывший посол Англии в Петрограде Джордж Бьюкенен.

Все эти деятели были включены в новообразованный комитет по двум признакам: во-первых, они бывали в России и претендовали на знание этой страны и понимание ее проблем, во-вторых, с лютой ненавистью относились к Октябрьской революции, к Советской власти.

Программа комитета была сформулирована так: интервенция в Россию «для борьбы с немцами и большевиками». Что касается первой задачи, стоит привести мнение по этому поводу такого осведомленного участника событий, как Роберт Локкарт. «Лица, отстаивавшие интервенцию, — писал он в своих мемуарах, — утверждают, что они возводили плотину против завоевания России

строить против нее общественное мнение в Англии. Этой задаче Черчилль придавал важное значение и сам активно участвовал в ее решении, выступая в печати, в парламенте, в публичных аудиториях. Своего друга лорда Бивербрука⁹, бывшего тогда министром информации и пропаганды, он засыпал настоятельными советами и рекомендациями по поводу того, как следует организовать и вести пропагандистскую кампанию против Советской России. «Я все больше убеждаюсь в том, — писал Черчилль Бивербруку, — что сегодня в Англии не может быть более ценной пропаганды, чем красочное описание насилий и жестокостей большевиков, предательства (по отношению к союзникам. — *Н. Д., В. Т.*), которое они совершили, разорения, в которое они вовлекли свою страну, и вреда, который они причинили нам и нашим сражающимся солдатам. Думаю, что следует поощрять как можно более широкую публикацию в газетах известий о хаосе и анархии в России».

Взгляды Бивербрука вполне соответствовали настроениям его друга. Английские буржуазные газеты старались во всю мочь, разжигая антисоветскую истерию. Большинство купленных капиталистами ежедневных газет Англии, писал В. И. Ленин, «пророчит быстрый крах Советской власти, расписывает ужасы голода в России, лжет про «беспорядки» и про «непрочность» Советского правительства». «Правда» подчеркивала, что английские газеты специализируются на «большевистских ужасах, поскольку правительство Великобритании поощряет всякое «мифотворчество» насчет большевиков в России: «чем кошмарнее, тем лучше» «.

В раздувании антисоветской шумихи Черчилль и его единомышленники действовали в тесном альянсе с деятелями российской контрреволюции. Этот альянс установился задолго до Октябрьской революции. Органическая связь между русской и английской контрреволюцией имела наиболее наглядное воплощение в лице супружеской четы, состоявшей из известного журналиста, одного из виднейших и авторитетнейших в Англии «специалистов по России» Гарольда Вильямса¹⁰ и его жены, русской писательницы и общественной деятельницы А. В. Тырковой¹¹. С первых дней существования в России буржуазно-либеральной кадетской партии Тыркова вошла в состав ее руководства. Давняя приятельница и сотрудница Петра Струве, она принадлежала к числу правокадетских идеологов. Эту женщину

бря 1917 г. английский военный кабинет утвердил соглашение с Францией об организации интервенции в Россию.

Черчилль, участвовавший в этом заседании в качестве министра военного снаряжения, проявил большую активность. Ни в коем случае, сказал он, не следует ставить крест на России, ситуация там может вскоре измениться. Он горячо ратовал за создание специального объединения из русских офицеров во Франции или в Англии. Во-первых, оно могло бы прийти на помощь «тем русским, которые остались лояльными по отношению к Антанте», утверждал Черчилль, а во-вторых, его формирование имело бы важное политическое значение.

И уж, конечно, не без участия Черчилля был изобретен предлог для высадки десанта в Советскую Россию — ведь предлог этот был непосредственно связан с компетенцией его министерства. Британские части направлялись в Архангельск и Мурманск якобы для того, чтобы охранять от немцев доставленные туда из Англии в течение 1916–1917 гг. военные грузы для России.

Английские правящие круги не преминули ухватиться и за другую возможность военного вмешательства в русские дела: они решили использовать чехословацкий корпус, направлявшийся из России через Дальний Восток в Западную Европу. Надеясь на соединение корпуса с войсками интервентов на севере, английское правительство 17 мая 1918 г. направило в Мурманск генерала Пуля⁷ с военной миссией в составе 500 человек для обучения чешских войск, которые, как сообщает в своих мемуарах Дэвид Ллойд Джордж, тогдашний премьер-министр Англии, «по нашим расчетам, должны были там собраться к этому времени». 25 мая начался мятеж чехословацкого корпуса⁸.

Черчилль был возбужден и обрадован — он возлагал большие надежды на белочешскую авантюру. В представленном кабинету министров специальном меморандуме он призывал оказать корпусу всемерную помощь. «Мы должны направлять события, а не плыть по течению, — возглашал Черчилль. — Сейчас, когда чешские дивизии владеют огромными участками Сибирской железной дороги, неужели мы не приложим усилий, чтобы оказать им поддержку?».

Подготовка к отправке британских интервенционистских войск в Россию велась полным ходом. Но чтобы заставить солдат воевать против Советской Республики, нужно было на-

правительства Ф. Ф. Личем. Речь шла о том, чтобы, воспользовавшись сильным падением после Октября цен на акции и процентные бумаги, скупить пакеты акций крупнейших российских банков. Об этом предприятии Лич доложил английскому послу в России Дж. Бьюкенену³, который консультировался в данной связи с двумя бывшими царскими министрами — Н. Н. Покровским⁴ и А. Ф. Треповым⁵. Оба заявили, что считают проект заслуживающим серьезного внимания «для установления финансовых и экономических отношений с Англией после неминуемого падения большевиков». Уехавший вскоре в Лондон Бьюкенен сообщил оттуда Личу о согласии английского правительства подписать договор с Ярошинским. По этому договору последний получил от английского правительства ссуду 500 тыс. ф. ст. под обеспечение акциями и ценностями на сумму 20 млн. руб. для приобретения крупного пакета акций Санкт-Петербургского международного банка. На таких же условиях оборотистый сахарозаводчик приобрел крупный пакет акций Сибирского байка.

Вонлярский пишет, что эта операция сулила огромнейшие барыши, так как в то время капиталы многих промышленных предприятий были сосредоточены в банках, большинством акций которых владел Ярошинский. «Однако обстоятельство, которое никому не могло прийти в голову, спутало все карты», — печалится мемуарист. И банки, и промышленные предприятия были национализированы Советским правительством. Задуманная с таким грандиозным размахом афера лопнула.

Но это не отбило у английских комбинаторов охоты погреть руки на событиях в России. И Черчилль здесь отнюдь не был исключением. Лучше всего его позицию в этом отношении характеризует заявление летом 1919 г. на совещании в военном министерстве, на котором обсуждался вопрос о перспективах торговли в районах, оккупированных белогвардейской армией генерала Деникина. Говоря об «огромных возможностях завоевания нового рынка» в Южной России для «грядущих поколений» британских дельцов, Черчилль призывал: «Настало время действовать и заполучить этот рынок». Когда же на совещании было упомянуто, что Деникин⁶ хочет регулировать торговлю и избавиться от спекуляции, Черчилль, не стесняясь, объявил себя «сторонником спекуляции на данном этапе».

Жажда поживиться за счет России играла не последнюю роль в интервенционистских устремлениях Лондона. 26 дека-

от несокрушимости Британской империи зависело то, что было для Черчилля всего дороже, — мировое могущество Англии, ее статус великой державы.

В первые недели после Октября известия о России в английской буржуазной прессе были совершенно однотипными. «Ленин теряет контроль», уверяла авторитетная газета «Таймс». Порядок в России «в конце концов восторжествует», вторила «Дейли мейл». «Манчестер гардиан» предрекала скорое крушение Советской власти. «Обсервер» 25 ноября, объявила падение большевизма уже решенным делом. Но дни шли за днями, бежали недели, а Советская власть в России не только не рушилась, но укрепляла свое положение и предпринимала действенные меры, чтобы вывести страну из империалистической войны.

Тогда, поняв серьезность происходящих в России событий, Черчилль со свойственным ему темпераментом и энергией ринулся в бой. И со свойственной ему самоуверенностью ни на минуту не сомневался, что окажется победителем.

В своем публичном выступлении в Бедфорде 11 декабря 1917 г. Черчилль во всеуслышание возвестил: «Именно это печальное событие (Октябрьская революция. — *Н. Д., В. Т.*) затянуло войну, именно оно лишило, французскую, британскую и итальянскую армии плодов победы, которая этим летом была уже почти у них в руках. Именно это событие, и только оно одно, подвергло нас опасностям, горестям и страданиям, которых мы не заслужили, которых мы не можем избежать, но перед которыми мы не склонимся».

14 декабря английский военный кабинет принял решение предоставить любым антибольшевистским русским организациям такие денежные суммы, которые они потребуют, чтобы «продлить в Юго-Восточной России сопротивление центральным державам». Эти суммы предполагалось выплачивать до тех пор, пока получатели будут продолжать борьбу.

Свои расходы английские капиталисты рассчитывали возместить сторицей путем разного рода связанных с Россией финансовых махинаций. Об одной из них рассказал в своих воспоминаниях крупный петроградский делец В. Вонлярлярский¹. Оказывается, при его посредничестве поздней осенью 1917 г. в Петрограде велись тайные переговоры между богатейшим сахарозаводчиком К. И. Ярошинским² и агентом английского

традицией официальный биограф того или иного политического деятеля получает доступ в его личный архив, а также в архивы его сотрудников и единомышленников, закрытые для других исследователей. В материалах и документах из британских государственных и частных архивов, опубликованных в четвертом томе официальной биографии У. Черчилля, ярко раскрывается его роль в империалистической интервенции в Россию.

Авторы настоящей статьи широко использовали документы, содержащиеся в названной биографической работе М. Джилберта.

Октябрьскую революцию в России Уинстон Черчилль воспринял не только как катастрофу мирового масштаба, но и как тяжкое личное оскорбление. С полной уверенностью можно сказать: ни один из многочисленных зарубежных врагов Октября не отнесся к этому событию с такой кипящей ненавистью, с такой жаждой уничтожить, затоптать первый в мире росток победившего социализма. Подобная реакция не была случайной: ее обусловили характерные для Черчилля черты человека, политика, государственного деятеля.

По происхождению, воспитанию, образу жизни, по всем своим официальным и человеческим связям Черчилль был плоть от плоти своего класса. Чувство классовой принадлежности, вообще высоко развитое в английской буржуазно-аристократической элите, являлось основой его мировоззрения, его политического кредо, всей его жизненной позиции. Обостренное классовое чутье помогло Черчиллю оценить серьезность угрозы господству мирового капитала, которую несла с собой русская революция. Другие верили, что «анархический бунт» в далекой России прошумит и стихнет, что разлившееся море народного возмущения мало-помалу вернется в прежние берега. Черчилль не заблуждался на этот счет — он громче всех трубил об «опасности», которая «должна быть раздавлена в зародыше». Иначе будет поздно!

Главным побудительным стимулом в отношении Черчилля к Советской России был страх перед крушением всех устоев и принципов, которые представлялись ему единственно верными, необходимыми и незыблемыми. Его страшила не только перспектива революционного пожара в Европе, в родной Англии. Он предвидел (и постоянно твердил об этом), что буря в многонациональной России отзовется — не может не отозваться! — грозными раскатами в Британской империи. А от прочности,

Н. Г. ДУМОВА, В. Г. ТРУХАНОВСКИЙ

**Уинстон Черчилль
и империалистическая интервенция
в Советскую Россию**

Интервенция — одна из самых распространенных форм борьбы империалистического мира против сил социализма, демократии и прогресса. В их успехах империалистическая буржуазия видит угрозу не только своему экономическому господству, но и самому существованию. Всеми силами она стремится помешать развитию революционного процесса, организуя экспорт контрреволюции для подавления освободительного движения трудящихся масс.

Народы нашей страны, свергнувшие в 1917 г. власть буржуазии, на собственном опыте испытали тяжесть совместного нашествия внешней и внутренней контрреволюции, осуществлявшегося в 1918–1920 гг. Активнейшее участие в борьбе против молодой Советской Республики принял английский империализм во главе с одним из его крупнейших идеологов — Уинстоном Черчиллем.

Жизнь и деятельность Черчилля в тот период отражены во многих посвященных ему работах и его собственных мемуарных произведениях. Однако наиболее полное и всестороннее освещение они получили в четвертом томе официальной биографии Черчилля. Это многотомное объемистое издание (каждый том — свыше 50 печатных листов) было начато сыном У. Черчилля — Рандольфом, а после смерти последнего продолжено английским историком Мартином Джилбертом. К настоящему времени выпущено в свет 6 томов, охватывающих период до 1941 г. В соответствии с существующей в Англии

ские и уездные съезды собирались стихийно, там не было ни разгонов, ни арестов, была свободная борьба мнений, спор партий, и результаты выборов обнаруживали полное презрение масс к соглашательским партиям правых эсеров и меньшевиков. Они погасли в пустоте».

Достоверность материала, наглядность повествования, воображение авторов — все направлено на отображение правды реального мира. Поэтому формула «Черчилль и Миллюков против Советской России» раскрывается точно и многосторонне. Конкретно рассматривается принципиальный вывод, сделанный В. И. Лениным через несколько месяцев после Октября: охватившая всю страну гражданская война «слилась с войной внешней в одно неразрывное целое». До того, как показано в книге, «все многообразные и разветвленные каналы связи с зарубежными странами были учтены кадетским руководством и пущены в ход для достижения главной цели — организации интервенции в Россию». Какое бы то ни было суждение о развитии, масштабах и продолжительности гражданской войны будет неадекватным без учета роли в этом интервенции. Кстати, еще несколько лет назад был устойчив стереотип о «навязанной нам международной империализмом» гражданской войне. Теперь же, в наши дни известный историк в пространной газетной статье считает возможным толковать о причинах ее «затягивания», не произнеся ни звука об интервенции.

<...>

лось в том, что фрагменты из художественной литературы — отнюдь не отдельные иллюстрации, не «вставки», а оказавшиеся и в смысловом, и в композиционном отношении органичными компоненты всего повествования.

...Вот известная поэтесса З. Гиппиус в разгар гражданской войны предвкушает победу над большевиками. И ей грезится апофеоз: «Но только в час расплаты / Не будем слишком шумными... / Веревку уготовав, / Повесим их в молчании» (кн. 2, с. 136).

Ведя речь о средствах выразительности в историческом живописании, целесообразно затронуть сложную проблему, хорошо знакомую авторам научно-популярных книг, — это отображение тех, кто входит в окружение главных героев либо так или иначе участвует в описываемых событиях. Особая трудность кроется в том, чтобы при ограниченном по необходимости объеме текста эти лица выглядели бы не «проходными», а запоминающимися. В нашем случае авторы каждый раз не упускают возможности, чтобы акцентировать мотивы и образ действий, черты, присущие, скажем, не одному Колчаку, а и его «грозному и всесильному» сподвижнику Пепеляеву. То же относится не только к Ллойд Джорджу, но и к Б. Локкарту. В этой же связи применительно к историческому повествованию остается редкой ценностью слияние ярко воссозданного облика персонажа и его существенной роли в развитии сюжета. Отдельными штрихами, «мазками» набрасывается портрет такой незаурядной личности как лидер левых эсеров М. Спиридонова. На первом объединенном заседании ВЦИК, Петроградского Совета и Чрезвычайного крестьянского съезда она, искренности которой тогда верили «миллионы крестьян и солдат, верил В. И. Ленин» (кн. 1, с. 235), говорила: не «одна лишь ненависть будет нас вести к нашим идеалам. В своей груди мы будем нести и жалость ко всем угнетенным... наши чистые идеалы помогут нам перед входом в новое царство свободы и труда сбросить грязные одежды вражды между братьями» (с. 235–236). В книге немало и доказательно говорится и о правых эсерах, и меньшевиках. Поэтому, мне кажется, именно из уст Спиридоновой для читателя было бы и интересно, и убедительно услышать такую оценку (как известно, до лета 1918 г. партия правых эсеров действовала легально); «Правые эсеры и меньшевики были разбиты наголову не редкими репрессиями и стыдливым нажимом, а своей предыдущей соглашательской политикой. Массы действительно отвернулись от них. Губерн-

и текст самого Черчилля, и авторский комментарий. Дело было летом 1918 г., когда еще только начиналось осуществление союзнических планов объединения действий мятежного чехословацкого корпуса, с одной стороны, с десантными частями на Севере, а с другой — с интервенционистскими войсками в Закавказье и Туркестане. Сложившееся положение «описал впоследствии сам Черчилль... И сделал это со свойственным ему блеском: «Находились ли союзники в войне с Советской Россией? Разумеется, нет, но советских людей они убивали, как только те попадали им на глаза; на русской земле они оставались в качестве завоевателей; они снабжали оружием врагов Советского правительства; они блокировали его порты; они топили его военные суда. Они горячо стремились к падению Советского правительства и строили планы этого падения. Но объявлять ему войну — это интервенция — позор!» «. И подобных примеров немало.

Такое эстетическое освоение реальности не самоценно с точки зрения научного, объективного познания, вопреки бытующим взглядам. Это познание реализуется в книге как составная часть исследования объективного и субъективного аспектов предмета изучения. Но понятно, сколь важно эмоциональное восприятие действительности, выраженное в особенности в научно-популярном издании, если оно, как в рассматриваемой работе, плодотворно. Лишь одно, попутно, конкретное замечание. Черчилль, говорится в книге, не был жестоким человеком. Эту описательную характеристику, учитывая еще и тему книги, раскрыть непросто; единственное же пояснение в работе таково: он считал себя поборником правого дела — освобождения народов России от «большевистского ига»... Но интервенция, за которую он ратовал, несла массам кровь, голод, разрушения. Если допустить, что все это проясняет упомянутую личностную характеристику, то, быть может, не стоило задерживаться на такой детали. Но беда в том, что читатель далее сталкивается с некоторыми эпизодами, в коих обнаруживается нечто иное по сравнению с авторским пояснением. Военный министр говорит о химическом оружии: «Конечно, мне бы хотелось угостить большевиков газом...» Даже о собственных, британских войсках (находившихся на севере России) он высказывается так: «Лучше рискнуть несколькими тысячами людей... чем допустить крушение всей русско-сибирской системы сопротивления».

Логично сказать здесь о безусловной, думаю, удаче авторов обеих книг в привлечении литературных образов. Это вырази-

М. П. ПОЛЬСКИЙ

**Действующие лица:
Корнилов, Милюков, Черчилль**

<Фрагмент>

<...>

Относительно другого главного действующего лица не обойтись вначале, если откровенно признаться, без оговорки. Ведь иной специалист, лишь увидев на обложке научно-популярного издания фамилию члена-корреспондента АН СССР В. Г. Трухановского — известного и единственного у нас биографа Черчилля (книга о котором вышла в свет уже в четвертый раз), может спросить: что особенного можно найти в таком издании? Особенное, по-моему, есть и проявляет себя в неотъемлемой связи со всем содержанием работы. Недостаточно констатировать, что колоритная личность британского военного министра выписана на страницах книги детально и убедительно, а из содержащегося в последней анализа сложных международных перипетий складывается понимание, почему с именем одного из «самых пылких поборников интервенции» в Страну Советов связывал «свои главные надежды российский антибольшевистский лагерь». Рассматриваемый конкретный опыт всего проделанного авторами открывает возможность углубить оценку.

У читателя не останется, пожалуй, сомнений, что в правящих кругах Англии (да и других капиталистических стран) не было деятеля, который, как Черчилль, более энергично, настойчиво и последовательно боролся бы против Советской Республики. Одновременно перед нами предстает не только изощенный политик, но и блестящий оратор, умный и проницательный человек. И вот один пример из книги, в котором равно показательны

ЧЕРЧИЛЛЬ
В 1917–1940 гг.:
РОССИЙСКИЙ
ВЗГЛЯД

ему выбору. Документ об образовании Морского Генерального штаба был пробным камнем. Вильсон, получив его от Черчилля, отнесся к нему совершенно отрицательно. Это послужило поводом письма Черчилля к первому министру, в котором он намечает новый состав Адмиралтейства и командования флотом. Новые назначения были утверждены в ноябре 1911 г. и произвели сенсацию в палате общин.

ских лордов всегда должен был находиться в Адмиралтействе или поблизости, чтобы принять меры.

На большой карте Северного моря, висевшей в кабинете первого лорда, ежедневно офицер штаба должен был отмечать флажками положение германского флота. И это проделывалось ежедневно до самого начала войны, когда начали функционировать огромные карты, покрывавшие всю стену военной комнаты.

«Я принял за правило, — рассказывает Черчилль, — смотреть на свою карту каждый день, входя в кабинет. Я, делая это не столько для своего осведомления, ибо у меня было много других источников, но чтобы внедрить в свою работу и работу окружающих меня чувство постоянно висящей над нами опасности.

И это делалось в годы глубокого мира, тогда как у нас в России, за несколько дней до начала войны, пришлось запрашивать нашего морского агента в Берлине о дислокации германского флота. Невероятно, но факт. Почему так было? Потому, что у нас было не «высшее командование», а «высшее управление».

Первого морского лорда сэра Артура Вильсона Черчилль характеризует как тип прежнего закаленного моряка, в высшей степени бесстрашного, преданного долгу, всегда и всем довольного. «Ему ничего не было нужно, и он не боялся ничего, абсолютно ничего». Но при этих возвышенных чертах характера, Черчилль встретил в нем полное расхождение с своими стратегическими взглядами.

Он считал ненужным создание Морского Генерального штаба; Черчилль пришел создать его. Он не одобрял планов Военного Ведомства посылки армии во Францию в случае войны; Черчилль считал своею обязанностью довести морскую сторону этого дела до возможного совершенства.

Он был сторонником тесной блокады; Черчилль держался мнения о необходимости дальней, считая, что новые условия сделали тесную уже невозможной.

Тесная блокада германских портов была предписана в оперативных приказах (war-orders) в 1909 г. в бытность Фишера первым морским лордом. Вильсон не внес сюда никаких изменений, Вильсон должен был уйти в отставку по предельному возрасту через 3–4 месяца. Черчилль пришел в Адмиралтейство с определенным намерением иметь новый состав Адмиралтейства по сво-

«Я перепечатал этот меморандум 2 сент. 1914 г., — говорит Черчилль, — с целью ободрить моих коллег надеждой, что, если неблагоприятное предсказание выдержано нами около 20-го дня, то и благоприятное предсказание также исполнится около 40-го дня. Так и случилось».

После Совещания 23/VIII Военное ведомство было окутано тайной; не предпринималось ничего явного, но все приготовления были сделаны, все железнодорожные графики разработаны, тысячи карт Бельгии и Сев. Франции отпечатаны, кавалерийские маневры отменены. Пресса без давления цензуры соблюдала полное молчание. Большая железнодорожная стачка окончилась с таинственной внезапностью после конфиденциального сообщения канцлера казначейства.

В октябре Черчилль занял пост первого лорда Адмиралтейства.

Сметы на 1912/1913 финансовый год проведены уже были далеко. Число судов, подлежащих закладке, установлено. Но большая неопределенность царила во всех планах и нельзя было решить, каковы они должны быть, пока не станет известным новый германский закон о флоте. Притом ряд морских вопросов первой важности, по мнению Черчилля, требовал новой трактовки.

Во-первых — план войны, в основе которого, до того времени лежал принцип тесной блокады;

Во-вторых — реорганизация флота в целях увеличения его немедленной боевой готовности;

В-третьих — меры охраны против всяких неожиданностей в случае внезапной атаки;

В-четвертых — образование Морского Генерального штаба;

В-пятых — согласование морского и сухопутного планов войны, тесной совместной работой обоих ведомств;

В-шестых — дальнейшее развитие проектов увеличения артиллерийской мощи новых судов всех классов;

В-седьмых — перемены в высшем командовании флота и составе Адмиралтейства.

Кроме того Черчиллем были приняты сразу кое какие меры, «чтобы он мог спать спокойно». Охрана морских складов взрывчатых веществ была обеспечена Адмиралтейством. Были установлены постоянные дежурства морских офицеров в придачу к адмиралтейским служащим, чтобы днем, ночью, в будни и праздники не было задержки в случае тревоги и один из мор-

Затем выступил первый мороккой лорд Арт. Вильсон с изложением взглядов па политику, какой следовало держаться, если Англия будет вовлечена в войну.

Он не открыл планов Адмиралтейства, — их он замкнул в своей голове, но указал, что в основе их лежит принцип тесной блокады неприятельских портов.

Сразу обнаружилось, что между взглядами Военного ведомства и Адмиралтейством существует глубокое различие. Адмиралтейство считало, что надлежит ограничить участие Англии морем; что если английская маленькая армия будет послана на континент, она тотчас будет поглощена в несметной массе борющихся войск. Если же держать ее в готовности к высадке для контр-удара против германских берегов, она оттянула бы более многочисленную группу, чем она сама, с германской боевой линии.

Этот взгляд сильно оспаривался сухопутным Генеральным штабом и не одобрялся большинством присутствующих. Кроме того в вопросах, связанных с высадкой, взгляды военных и морских авторитетов оказались в полном разногласии.

Черчилль вынес представление, что британские военные люди, горячо желавшие видеть свою страну вмешавшеюся на стороне Франции и убежденные, что разгром ее будет гибелен для Британии, склонны были преувеличивать силу Франции и сочувствовать ее замыслам более широким, чем те, какие могли быть осуществлены. Французский Генеральный штаб был решителен и полон надежд, что смелым захватом инициативы сильное наступление в Эльзас-Лотарингию⁷ могло бы разрушить хорошо задуманный германский марш-маневр через Бельгию на Париж. Эти надежды отражались и на оценках Британского Генерального штаба.

Черчилль не мог разделять их. Поэтому он составил меморандум для Комитета Имперской Обороны, содержащий его собственные заключения обо всем, что он узнал от Генерального штаба.

В этом меморандуме он называет *20-м днем* мобилизации — день, когда французские армии будут отброшены от линии Мааса⁸ и отступят на Париж и к югу; и *40-м днем*, — когда Германия развернет до полного напряжения свои силы, внутренние и на военных фронтах, и когда представятся удобные случаи для испытания сил. На деле, оба эти предвидения почти буквально оправдались событиями 3 года спустя.

лось. Начальник Генерального Штаба. В. Никольсон был старым другом Черчилля. Но более всего Черчилль научился у Директора Военных операций генерала Вильсона, посвященного в секреты французского Генерального Штаба у которого в руках были все нити военной разведки.

23 авг. 1911 г. после роспуска парламента, первый министр собрал весьма секретное совещание в связи с Агадирским кризисом. На совещание были приглашены министры иностранных дел, военный, морской (первый лорд Адмиралтейства), канцлер казначейства и главные начальники армии и флота.

Был также приглашен Черчилль, хотя Министерства внутренних дел это и не касалось непосредственно.

Генерал Г. Вильсон, как Директор Военных операций, установил взгляды Генерального штаба. Он подробно изложил германский план нападения на Францию, впоследствии оправдавшийся с поразительной точностью. Вопрос был только в том, как далеко будет закинуто в Бельгию правое германское крыло и какие силы пройдут на западную сторону Мааса. В то время самые мрачные предположения не превосходили одного, много двух, корпусов. Немцы, как потом оказалось, прошли двумя армиями.

Позиция Голландии также изучалась. Не предполагалось, что немцы пройдут через Голландию, как через Бельгию, но допускалось, что они могли счесть удобным пройти через южный выступ Голландии, на языке Британского Генерального штаба называвшийся «Мастрихтским аппендиксом».

Французский план для встречи, этого грозного положения не был подробно изложен, но ясно было, что они надеются предупредить и разорвать германское охватывающее движение контр-наступлением большого размаха. Британский Генеральный штаб считал, что, если 6 английских дивизий будут посланы немедленно по объявлении войны на французский левый фланг, шансы на отражение немцев в первом крупном боевом столкновении будут благоприятны. Указание на медленность русской мобилизации рассеяло многие иллюзии. Казалось невероятным, что немцы ограничатся оставлением едва двух десятков дивизий против всей мощи России. Но британский Генеральный штаб считал такое решение хорошо обоснованным.

Того, что России удастся оттянуть два корпуса в критический момент «тогда нельзя было предвидеть и большинство забыло об этом теперь», — замечает Черчилль.

видении переброски сил во Францию, Асквит, побуждаемый Haldane'ом, в январе 1911 г. образовал при Комитете Имперской обороны постоянную комиссию для согласования действий ведомств при открытии военных действий.

В состав ее вошли представители Адмиралтейства, военного ведомства, министерств иностранных и внутренних дел, колоний, Индии, таможенный департамент и министерство почт.

Результатом работ этой комиссии явилась «книга войны» (war book), где было подробно указано, что надлежит делать каждому ведомству в отдельности и как и где должна производиться работа.

Были изданы специальные распоряжения, чтобы в каждой канцелярии ответственный чиновник находился во всякое время. Необходимые телеграммы, числом до тысячи были заготовлены заблаговременно и подобраны в порядке их отправления, — всевозможные документы хранились наготове в конвертах с адресами. Все необходимые бумаги, приказы, манифесты были напечатаны, и вся система была так развита, что даже король никогда не выезжал, не взяв особой тех бумаг, которые могли потребовать его экстренной подписи.

В сущности, в предупредительный период ничего важного нельзя было сделать в достаточной степени тайно, не приводя в смятение общественное мнение. Исключение представлял только флот. Секрет морских распоряжений мог быть соблюден благодаря тому, что главные силы флота находились постоянно на военном положении. Следовательно, можно было предпринять некоторые предварительные шаги. На этой основе и была построена «Адмиралтейская книга войны». Вся система была окончена и приурочена к июню 1914 г.

Он осведомился о шпионаже и контрразведке, о шпионах и германских агентах в британских портах и сделал распоряжение отныне исследовать корреспонденцию частных лиц. Это скоро обнаружило систему оплачиваемых германцами британских агентов. Но это была только малая часть той области подготовки, на которую простиралась обязанность вмешательства министра внутренних дел.

Бюджет, свободная торговля, мир, реформы, борьба партий, — все побледнело пред новой мыслью. Он начал усиленно изучать военное положение Европы. Военный министр поручил своим офицерам осведомлять Черчилля о всем, что бы ему не понадоби-

«Сердечное соглашение» с Францией зашло уже далеко и, когда германский посол осведомил Грея о действиях Германии, британское правительство заняло уже решительную позицию и Грей ответил, что Англия сама заинтересована в Марокко и пока не будут известны германские намерения, займет выжидательное положение.

Через 2 недели Ллойд-Джордж, бывший канцлером казначейства, произнес зажигательную речь, принятую в Германии как предупреждение, что английский флот будет на стороне Франции.

Несколько дней спустя Грей сообщил Ллойд-Джорджу и Черчиллю: «Я только что получил от германского посла столь жесткое сообщение, что флот может быть атакован в любой момент. Я послал Мак-Кенну предупреждение». Прибывший во время этого разговора первый лорд Адмиралтейства, через пять минут помчался отдавать предупредительные распоряжения.

До этого времени Черчилль, как министр внутренних дел, не принимал специального участия в этом деле, но следил за ним крайне внимательно в качестве члена кабинета; теперь же, узнав от начальника полиции, что министерство внутренних дел по странному установлению ответственно за охрану морских складов взрывчатых веществ в Cliallenden и Lodg Hill, он ощутил внезапную тревогу в виду серьезности положения.

Он тотчас телефонирует в Адмиралтейство, прося прислать отряд моряков для охраны складов, до того времени находившихся всегда под надзором нескольких мирно дремавших констеблей. Получив отказ, он звонит в Военное Министерство и военный министр Haldane через несколько минут отдает распоряжение.

Этот незначительный случай показывает, что тот, кто начал оценивать положение в таком свете, не мог уже думать иначе.

После этого мысль Черчилля стала искать другие уязвимые пункты. Он повидался с секретарем Комитета Имперской обороны, трудившимся над разработкой так называемой war-book. Еще за несколько лет до Агадирского кризиса Адмиралтейство составило план (War List), в котором подробно излагалась деятельность флота и Адмиралтейства в период натянутых отношений известных под именем с предупредительного периода (по русской терминологии — «подготовительный к войне период»). После реорганизации армии военным министром Haldane'ом в пред-

согласования действий в случае войны. С этого времени отношения между штабами становятся все доверчивее и перед мировой войной и в начале ее до ноября 1914 г., бывшее Командование военными и морскими операциями было сосредоточено в Кабинете при содействии Комитета Имперской Обороны. Адмиралтейство и Военное Министерство действовали как исполнительные органы кабинета. Этот Комитет, созданный в 1901 г. и реорганизованный в 1904 г., был совещательным учреждением и не нес никаких исполнительных функций, но на практике случалось, что решение ого сообщалось ответственному департаменту для исполнения. Председателем его всегда был первый министр, который приглашал для сотрудничества канцлера казначейства, статс-секретарей по военным, иностранным делам и Индии и первого лорда Адмиралтейства; фактически он был Комитетом Кабинета о добавлении нескольких экспертов.

С началом войны Кабинет возрос до 22 членов и сделался слишком громоздким, чтобы управлять ведением войны. 13 ноября 1914 г. место Комитета Имперской Обороны занял Военный совет. Хотя права Соединенного Комитета остались прежние, но уже Военный Совет окончательно решал в важнейших случаях и давал ход решениям, не ожидая одобрения Кабинета интимнее. Умы английских военных направляются в определенное русло. Хотя оба правительства и уверяли друг друга, что в этих «технических дискуссиях» нет никакого, политического или национального уговора, но факт, что они завязали чрезвычайно крепкий узел, остается.

Как известно, Германия осталась изолированной на конференции и принуждена была отступить.

Все это было только прологом к разразившемуся в 1911 г. Агадирскому кризису. После того как французская экспедиция оккупировала Фец, Германия заявила, что имеет торговые интересы в Агадире и прилегающей области. Франция предложила «компенсацию» Германии в области Конго. Германия послала *Пантеру* в Агадир для защиты своих интересов. Англия, заглянув в атлас, была удивлена, зачем Германии морская база в таком щекотливом месте и поставила этот факт в связи с деятельностью Германии на Мадере и Канарских островах и направлением продовольственных и торговых морских путей из Южн. Америки и Южной Африки, которые проходят и скрещиваются в этих водах.

защиту в силу своего официального положения и соблюдении военной тайны.

Главной виной Черчилля во время войны была поставлена атака Дарданелл, которую он форсировал, не смотря на возрастающее сопротивление Фишера. Трения, возникшие между ним и Фишером, были одной из причин, побудивших Асквита в мае 1916 г. пригласить унионистов в состав коалиционного правительства. Перемены в Адмиралтействе сделались необходимы, и в мае Черчилля заместил Бальфур.

Познакомившись поближе с личностью автора характером его труда, перейдем теперь к рассмотрению его замыслов, планов и роли в эту эпоху, как руководителя английского Адмиралтейства и флота.

Решение величайшей военной державы сделаться в то же время, по крайней мере, второй морской державой является истинной основой страха, гнева и решимости Англии.

Заключением соглашения с Францией в 1904 г., Англии разом убила двух зайцев: в лице традиционного врага приобретала союзника на континенте против Германии и обеспечивала за собой Египет. Суть соглашения заключалась в том, что Франция отказывалась от противодействия британским интересам в Египте, а Британия оказывала общую поддержку видам Франции на Марокко.

И консерваторы, и либералы приветствовали это соглашение и одинокий голос лорда Розберри, убежденного, что это соглашение скорее приведет к осложнениям, чем к миру, был встречен общим осуждением.

К этому времени относится создание Бальфуром Комитета Имперской обороны, — «инструмента для подготовки к войне».

В 1905 году уже прибыла в Фец французская миссия с явным покушением вести дела в Марокко, как находящимся под французским «протекторатом», игнорируя тем Мадридский договор⁶.

Мароккский султан обратился за поддержкой к Германии. Германский император появился в Танжере и произнес известную речь. В результате созыв в Алжезирасе конференции держав, подписавших Мадридский договор. В виду только что заключенного соглашения с Францией, Кэмпбелль уполномочил Грея оказать пока только дипломатическую поддержку на конференции Франции, совершенно не готовой к войне.

В то же время он уполномочил начать военные переговоры между британским и французским генеральными штабами для

Поэтому, когда в октябре 1911 г. Асквит предложил ему пост первого лорда Адмиралтейства, он, не колеблясь, отвечал согласием. «Весь мой ум, вся душа были полны опасностью войны», пишет он.

26 октября 1911 г. Черчилль и Мак-Кенна поменялись местами, и это тотчас повлекло за собой полную перемену в составе высших чинов Адмиралтейства. В высшей степени интересны мотивы и приемы, которыми руководился Черчилль в подборе своих сотрудников.

«Хотя мое образование было преимущественно военное, я близко следил за всеми деталями морских контроверз за предыдущие 5 лет в Кабинете, Парламенте и позднее в комитете Имперской обороны; и я имел известные общие идеи из которых я исходил в моих действиях и которые конечно, я был послан провести в Адмиралтействе. Я намеревался приготовиться к нападению Германии, как *если бы она началась на следующий день*. Я намеревался довести флот до возможной силы и достичь, чтобы эта сила была немедленно готова. Мне было поручено создать Морской Генеральный Штаб. Я решил проводить все реформы тотчас в тесном единении с Военным Ведомством для обеспечения перевозки британских войск во Францию, если бы возникла война. Я имел твердую поддержку Военного министерства и министерства иностранных дел. Я имел опору в первом министре и канцлере казначейства. Кроме того, все, кто знал кризис, чрез который мы только что прошли, были глубоко встревожены. При таких условиях оставалось только изучить методы и выбрать людей».

— Самое тяжелое время для Черчилля было — октябрь, ноябрь 1914 г. Кризис в Бельгии, угроза портам Канала, угроза Большому Флоту, не имевшему убежища от подводной опасности угроза Египту и морским сообщениям, Коронель и угроза морской торговле угнетали его душу. «*Не проходит часу без возможности какого-либо несчастья в той или иной части света*».

Его позиция к этому времени была уже поколеблена. Впервые общественное мнение обрушилось на него за гибель 3-х крейсеров в Северном море. Печатно высказывались мнения, что это несчастье есть результат того, что во главе флота стоит гражданский министр.

Но как в этом случае, так и случае упущения *Гебена* Дарданелльской неудачи и др., Черчилль не мог выступить в свою

быть продиктованы. Никакое более или менее важное указание не давалось мной устно и поэтому существует полная запись, как исполнения, так и распоряжения.

«Если решение лежало вне моей власти, или противоречило моему представлению, я оставлял его в письменном виде для памяти».

Отдавая свой труд на суд соотечественников, Черчилль выражает надежду, что читатель почувствует, что Великобритания не так худо была проведена через «великие конвульсии» как это обычно принято было изображать.

Черчилль принял должность первого лорда Адмиралтейства по предложению первого министра Асквита в октябре 1911 г. До того времени Черчилль последовательно занимал следующие должности: Товарища Министра Колоний (Tinder Secretary of State of Colonies) с 1905 по 1908 год, что помогло ему изучить нужды, интересы и политическое положение колоний; Президента Торговой Палаты (President of Board of Trade) в 1909 г., что дало ему возможность ознакомиться с состоянием финансов и промышленности Германии; Статс-секретаря по внутренним делам (Home Secretary) с 1909–1911 г., расширившую его административный опыт.

Причина вступления в Адмиралтейство Черчилля, бывшего перед тем Министром Внутренних дел, довольно необычна. Далекий от мысли о надвигавшейся опасности, он был в оппозиции судостроительной программе 1909 года своего предшественника Мак-Кенна. Но приглашенный Асквитом в августе 1911 г. на весьма секретное заседание во время Агадирского кризиса, он был поражен разногласием военного и морского ведомства.

«Серьезное несогласие между морским и сухопутным штабами в такое критическое время по фундаментальным решениям было непосредственной причиной моего вступления в Адмиралтейство».

— После того как совещание кончилось, лорд Haldane осведомил первого министра, что он не может продолжать нести ответственность за Военное Ведомство, если Адмиралтейство не будет призвано к работе *в полной солидарности с планами Военного Ведомства и не приступит к организации своего Морского Генерального штаба*. «Конечно, я ничего не знал этого, но этому суждено было вскоре повлиять на мою судьбу самым решительным образом».

Черчилль — одна из ярких фигур, как по личным качествам, так и по той подготовке, которая привела его на пост первого лорда Адмиралтейства и вынесла на гребень вала мировых событий.

Помимо огромного интереса самого содержания, блестящей характеристики действующих лиц и роли самого автора, труд Черчилля, отличается талантливим изложением, отчетливым слогом, сжатою последовательностью мысли, но не всегда выдержан в стиле эпического бесстрастия и уважения ко врагу, что свойственно солидным трудам Шеера и Джеллико. Цель книги — отдать на суд соотечественников свою деятельность, показать долю своего участия в делах флота и ответственности за события.

Спустя 8 лет после своего ухода из Адмиралтейства, после того как появились вышеперечисленные труды, английские и немецкие, о том периоде войны, когда Черчилль руководил действиями английского флота, он считает своим правом и обязанностью изложить тот образ действий, которого он держался при выполнении своих обязанностей в этих больших и ответственных делах. «При изложении их», говорит он, «я придерживался некоторых строгих правил. Я не устанавливал ни одного важного факта, относящегося к морским операциям или адмиралтейским делам, по которым я не располагал непогрешимыми документальными доказательствами. Я не критиковал ни одного решения или действия, принятого или отвергнутого другими, без того, чтобы я не мог доказать, что я выражал тоже самое мнение письменно *до события*».

«В тех случаях, когда допускали интересы государства, я приводил подлинные меморандумы, директивы, документы, телеграммы или письма, писанные мной, независимо от того, оправдал или осудил их ход событий».

«Главные документы, по которым направлялись дела Адмиралтейства, содержат в каждом случае — решения, за которые, я, как высшая исполнительная власть в министерстве, прямо ответствен, и все они выражены в моих собственных словах. Я одинаково ответствен с первым морским лордом за главные телеграммы, которыми двигались флоты, эскадры и отдельные корабли, за все, помеченное моими инициалами, как окончательной санкцией». «Иногда приходилось принять 10–20 важных решений за день. Сложные директивы и наставления (recommendations) давались письменно, как скоро они могли

Он излагает обязанности и ответственность первого лорда во время войны, как он понимал их сам при своей деятельности, излагает процесс и методы работы военно-морского командования, сравнивает их с германскими методами и положением Тирпитца и Ноля.

Точка зрения автора на мировой кризис проникнута чисто английским национальным эгоизмом и библейской нетерпимостью. Это — неизменная правота Англии и вина Германии, главным образом, в лице ее государственных деятелей — кайзера⁴ и Тирпитца⁵.

Тирпитцу Черчилль дает невысокую оценку, ставя ему в упрек политическую незрелость, наивность и недомыслие.

В отношении политики с этим до некоторой степени можно согласиться. Тирпиц был прямее и не обладал гибкостью, столь необходимой крупному государственному и политическому деятелю.

Просто он был не в курсе широкой государственной политики и замыслов германской высшей стратегии и карьера его протекала в узкой сфере Морского Министерства.

Английские планы морской войны перерабатывались по инициативе и под руководством Черчилля в тесном контакте с военным ведомством и Министерством Иностранных дел, а Тирпитцу только 30/VII 1914 показали оперативный приказ кайзера.

Но еще неизвестно, как бы развернулась борьба, если бы Тирпитц был с самого начала Начальником Мор. Генер. Штаба и мог бы вести дела без помехи кайзера и его кабинета. Одно можно сказать, что ход событий был бы совершенно иной.

В чисто военно-морской области Тирпитц был достойным соперником Фишера, хотя и не столь талантливый, но за то более методичным.

При всей одаренности, Черчилль и сам был не застрахован от ошибок, когда его самоуверенность, или неверная оценка положения, приводила к катастрофам (Коронель) или неудачам (Дарданеллы), хотя он и заявляет, что в некоторых делах он не сомневался, что и когда надо сделать, главная трудность для него было убедить окружающих).

Правда, это утверждение относится к более раннему периоду его деятельности, до начала войны.

Как бы то и было, нельзя отрицать, что среди целой плеяды выдающихся английских государственных людей этого периода,

Современники запечатлели суровый приговор Черчиллю как государственному деятелю: «Черчилль выказал необыкновенную энергию, трудолюбие, изобретательность и патриотизм, но не имел достаточно благоразумия и осторожности».

Но приговор этот вынесен до выслушания ответчика т. е. до появления книги Черчилля; Да, он был пылок, кипуч, деятелен, на лету схватывал важную мысль и указание своих сотрудников и подчиненных и быстро приводил ее в движение. Да, он был самоуверен и, быть может, в некоторых случаях неосторожен, или чересчур настойчив. Но в выше приведенном суровом приговоре не упомянуты два главнейших качества — *широкое понимание государственных задач и военное мышление*, без которых все остальные качества на этом посту не могли бы дать ничего; а он видел дальше и яснее всех своих морских коллег-специалистов и сделал многое для вывода английского флота из того положения, в котором он был в критические годы перед войной.

Он входил насколько мог в жизнь флота, но он не жил этой жизнью *в боевой обстановке*, он не плавал и не командовал, — потому ему трудно самому было проникнуть и оценить чисто морскую обстановку, а это начало сказываться во время войны. Это ясно можно усмотреть из донесений Джеллико и письма Битти Черчиллю в октябре 1914 г. и несогласий о Фишером при начале Дарданелльской операции.

Не забудем, что Морской Генеральный Штаб³ только что начал работать, организация его не достигла еще того развития, как в последние годы войны, положение начальника М. Ген. Штаба было мало авторитетно при топ сложности, запутанности и неопределенности взаимоотношений высших военно-морских учреждений и лиц, которые вскрыла Дарданелльская комиссия. Вся машина ворочалась крайне неуклюже.

При таких условиях трудно требовать большего от лица, положение которого определялось тем, что с одной стороны он являлся гражданским министром, назначаемым по политическим и парламентским соображениям, а не морским специалистом, — а с другой стороны по указу он был ответствен за *все* дела Адмиралтейства перед королем и Парламентом.

И Черчилль рисует положение Адмиралтейства по отношению к флоту и позицию первого лорда Адмиралтейства по отношению к его морским коллегам-специалистам.

островов и на Доггер Банке, поддержка Антвериена и бельгийской армии у фландрского побережья.

Темными пятнами являются — упущение *Гебена*, гибель 3 английских крейсеров у Текселя, гибель эскадры Крадока и неудача Дарданелльской экспедиции. Таким образом, деятельность Черчилля обнимала наиболее важный период начала мировой войны и последние годы напряженной подготовки к ней. Многие писали об этом периоде: Фишер, Джеллико, френч, биографы Китченера, штаб Хейга; Корбет на 1000 страницах официальной истории, рассказавший ведение войны в течение всего управления Черчилля; солидные труды Шеера, Тирпитца и германского морского архива. Но книга Черчилля более, чем какая-либо другая проливает свет на замыслы Английского Высшего Морского Командования и мотивировку его деятельности за указанный период, во многих областях оставшуюся неизвестной или предположительной. Хотя она содержит личные взгляды главного руководителя английского Адмиралтейства и его личную оценку событий, но сопровождается множеством подлинных -официальных документов и писем самого автора, как первого лорда Адмиралтейства, так и его выдающихся военных и политических сподвижников.

Поэтому она является незаменимым дополнением и комментарием официальной истории Корбета, знакомство с которой, однако, необходимо, как с систематическим изложением событий для понимания и надлежащей оценки книги Черчилля.

Помимо изложения специально военно-морской деятельности Адмиралтейства, книга дает изображение, на фоне исторических событий, приемов английской политики внешней и внутренней, характеристику действующих лиц и их взаимоотношений.

Принято думать, что вся государственная власть в Англии находится в руках Парламента, который выдвигает для текущей, ответственной перед ним, работы, Кабинет Министров; на самом деле такое представление далеко от действительности и Министерство гораздо более руководит Парламентом, чем наоборот.

В Англии вовсе нет писаной конституции и еще Пальмерстон² говаривал ссылавшимся на нее, что он готов дать хорошую награду тому, кто принесет ему экземпляр английской конституции.

До книги Черчилля можно проследить, как Кабинет вел свою политику и довел Парламент, поставленный пред лицом созданных Кабинетом условий, до необходимости препятствия и утверждения политики Кабинета.

А. В. ШТАЛЬ

**Черчилль — первый лорд Адмиралтейства
в мировой кризис 1911–1915 гг.**

<Фрагмент>

<...> Исключительный интерес имеет появившийся в апреле сего года и вышедший в том же месяце вторым изданием первый том труда первого лорда Адмиралтейства В. Черчилля.

И именно последний труд более других освещает замыслы, планы и деятельность Высшего Английского Морского Командования.

I

Деятельность Черчилля в качестве первого лорда Адмиралтейства начинается с Агадирского кризиса (1911)¹ и обнимает последний стаж интенсивной подготовки к войне с Германией; мобилизацию и сосредоточение флота пред началом войны; сбор в 1914 г. имперских сил со всех концов света; очищение океанов от германских крейсеров и истребителей торговли; усиление флота вновь построенными судами в 1914–1916 г.; первые мероприятия против возникшей подводной опасности; прелюдию и начало Дарданелльской операции. С его деятельностью в Адмиралтействе связаны наиболее выдающиеся дела за этот период: пересмотр планов морской войны, учреждение Морского Генерального Штаба, постройка Fast Division — быстроходных боевых судов «С-15» артиллерией и нефтяным отоплением; предложение, отвергнутое Германией о приостановке морских вооружений; приведение флота в полную боевую готовность.

Во время войны руководство морскими операциями, отмеченное сражениями в Гельголандской бухте, у Фалкландских

можешь обратиться за утешением и успокоением, чье общество все более привлекательно». Он пишет издателю: «Я работаю очень упорно и ложусь обычно в час или два ночи». Возможно, это был единственный способ спастись от убийственного ожидания. Как полагает У. Манчестер, «гордость и внутренняя устремленность были тем встроенным в него гироскопом, который никогда не подводил и вел его вперед... приглашенные им иностранцы прибывали в Лондон, садились на вокзале Виктория в поезд, идущий в Окстел, и вскоре их встречал Уинстон. Польщенные, они садились в его автомобиль, не зная, что вручают свои жизни водителю Британской империи».

А вечером, дописывая очередной эпизод, он погружался в прошлые века. В его истории всегда были правые и виноватые, белые и черные, он не признавал морального бессилия. Приехавшему У. Липпману Черчилль обрисовал свой план победы в текущей ситуации: «Ограничить потери на Дальнем Востоке; исключить распыление флота; договориться с Японией. Центральную Европу следует мобилизовать как единое целое, подобно тому, что было в 1914 году. Тогда Германия имела десять мобилизованных в Чехии и Словакии дивизий. Теперь она держит здесь шесть дивизий в качестве оккупационных войск. Венгрия, Югославия и Румыния опасны и ненадежны. Польша — новая сила, а позади нее Россия. Нечего и говорить, что Германия не окружена. Единственный действенный аргумент — сила. Незачем кроить политику по меркам Геббельса. Нужно следовать своей линии. В случае германской мобилизации мобилизовать флот, в случае первых же провокационных действий перерезать германские железнодорожные коммуникации в Европе и бросить им вызов».

со скукой и выйти на более спокойные дороги жизни, не ведут ли эти дороги ближе к счастью, чем непрерывный вихрь возбуждения и беспокойства».

Черчилль не принадлежал к таким сомневающимся. «Вы знаете, что я безгранично верю в себя», — писал он своей родственнице. Он никогда не пытался скрыть своих амбиций. «Амбиции так же возбуждают воображение, как и воображение — амбиции». С его точки зрения, такая «открытость карт» неизбежно должна показаться окружающим привлекательной. Но не у всех «открытый стиль» молодого Черчилля вызвал симпатию. Дж. Чармли напоминает, что «амбиция была (и поныне) осуждаема на британской политической схеме; на неприкрытую амбицию смотрят как на растение, которое подлежит культивации». Как пишет английский историк Ролс Джеймс, «ошибочно полагать, что в Англии на Юность и амбицию смотрят с одобрением. В действительности не Юность считается достойной сожаления интерлюдией к достижению зрелого терпения и скромности; к Амбиции же относятся терпимо только в том случае, если ее тщательно скрывают. У молодого Черчилля были оба эти качества. Он был решим эгоцентричным, полностью поглощенным своей политической карьерой». Сам Черчилль говорил, что «с самого начала него целью было личное отличие». Более других участвовавший в начальной фазе карьеры Черчилля Г. Аксвит пишет: «Он никогда не находится в естественном контакте с тем, с кем говорит в данный момент, потому что он гораздо более интересуется собой и своими заботами, чем бы то ни было, что может дать ему собеседник».

В общем и целом отсутствие оксфордского образования (полагала Виолетт Аксвит) явилось благоприятным для Черчилля обстоятельством. «Для Уинстона Черчилля все под солнцем было новым — словно в первый день творения. Его обращение к жизни было полно азарта и удивления. Даже вечные истины представлялись ему волнующими личными открытиями». Он не стеснялся говорить искренне о том, что другим казалось бесспорным трюизмом.

Черчилль обратился к широкому полотну — «Истории англоговорящих народов». Он буквально упивался сценами борьбы маленького острова против всех стихий и бурь. Именно к этим месяцам относится: «Писать большую и обстоятельную книгу — словно иметь друга и компаньона, к которому ты всегда

А. И. УТКИН

Неизвестный Черчилль.

«Я легко довольствуюсь самым лучшим»

<Фрагмент>

На выборах в 1900 года даже рупор либералов «Манчестер гардиан» подала Черчилля как «мужественного, увлекающего аудиторию и замечательно способного молодого человека».

Когда Черчилль был избран осенью 1900 года в палату общин от консервативной партии, его отца, лорда Рендольфа Черчилля, помнили еще многие. Пожалуй, самая яркая унаследованная от отца черта — своего рода бесшабашность, почти авантюризм, страсть к высшему напряжению, энергичная игра с фортуной. Оба, и отец и сын, обладали предприимчивостью и мужеством. У них было не так уж много другого капитала, и обоим, как «солдатам фортуны», приходилось идти в этой жизни на риск. Уинстон Черчилль имел все основания присоединиться к словам еще одного авантюрно настроенного деятеля английской истории — Дизраэля. «Как тогда когда я был молод и боролся против всех враждебных обстоятельств, так и сейчас, когда я преуспел, они — присвоили мне ярлык авантюриста». И не без основания.

Личный врач Черчиллей, доктор Руз, так описал карьеру депутата: «Многие входят в парламентскую жизнь, влекомые идеей исполнить важную миссию; проходит сессия за сессией, и они никак не приближаются к своей цели. Между тем нужно слушать, вечер за вечером, непрерывный поток речей, большая часть которых не влечет за собой никакого практического результата... Существуют и другие причины для разочарования и отворачивания. Среди депутатов разливается беспокойство. Многие спрашивают себя, стоит ли игра свеч, не следует ли покончить

страсть к романтическим приключениям и неожиданная способность к усидчивому труду за письменным столом. Впечатлительный, порывистый, Уинстон подчас опрометчив и непредсказуем. И он же не по годам рассудителен, тщательно взвешивает все возможности и шансы по обеспечению быстрой политической карьеры. Безмерное честолюбие подкреплено «джентльменским набором» средств, не всегда прозрачно-белоснежных; в личных интересах максимально используются принадлежность к «ядру» британской элиты, родственные связи и приятели (Черчиллю не дано было иметь настоящих друзей).

Политические симпатии и убеждения Уинстона, частично унаследованные от отца, определились довольно рано: Британия в предстоящем новом, XX столетии призвана сохранить и укрепить статус первой колониальной, морской и торговой державы. Никаких уступок местному «цветному» населению в Индии и других владениях. Сходные ретроградные позиции он будет неуклонно защищать и относительно женской эмансипации. Даже в 1928 г., когда кабинет решал вопрос о полном уравнивании женщин метрополии в политических правах, единственным министром, проголосовавшим против, оказался Черчилль. С молодых лет Уинстон стал и яростным противником социализма.

И тот же Черчилль подходил к ряду кардинальных политико-экономических проблем более рационально, проницательно оценивая вероятные последствия роста недовольства народных масс существующими порядками. Еще в 1899 г. в Олдэме он произнес: «Мы за социальную реформу», позже начал активно ратовать за принятие срочных мер по снятию социальной напряженности, выступив против проводившегося консервативным правительством непопулярного курса. Политическая гибкость и прагматизм привели Черчилля в лагерь либералов, а вскоре и в состав нового кабинета.

стал ратовать за пересмотр антирабочего решения суда палаты лордов по делу Тэфской долины, ущемившего права профсоюзов*. В 1903 г. депутат-тори Черчилль голосовал за резолюцию в защиту профсоюзов, внесенную лейбористом Д. Шеклтоном.

Демонстративная фронда Черчилля в палате общин и за ее пределами вызвала раздражение руководства партии. Был случай в марте 1904 г., когда Бальфур и его коллеги покинули зал, как только слово взял непокорный депутат**. А сам Черчилль убедился, что в обозримое время клан Сесилей, заправлявший делами консервативной — верхушки, способен надолго затормозить его карьеру. К тому же тори, активно содействовавшие еще в 90-е гг. успехам предпринимателей в классовых боях, лишились теперь симпатий не только трудящихся, но и многих буржуазных фракций. Будущее за либералами, выдвигавшими идеи реформ и обновления. И вот наступил майский день 1904 г. Войдя в зал заседаний нижней палаты, Уинстон Черчилль направился к скамьям оппозиции и занял здесь место рядом с Ллойд Джорджем. Через полтора года его включили в либеральное правительство.

Заключение

Мы перелистали первые страницы биографии Уинстона Черчилля. Сто лет назад в бурском плену ему исполнилось 25 лет. Совсем еще молодой человек, но уже своеобразная яркая личность. Прежде всего, он отличается неиссякаемой энергией, жизнелюбием, жаждой играть первые роли на любом поприще — будь то спортивное состязание, поле боя или политическая арена. Пробудившись от умственной спячки к двадцати годам, Уинстон наверстывает упущенное в образовании, расширяет свои интеллектуальные горизонты; обнаруживается его немалый творческий потенциал, первоначально воплотившийся в военной журналистике; он уже близок к пониманию того, что события военной истории следует рассматривать в контексте истории политической.

Натура Черчилля соткана из контрастов и противоречий — мальчишеская наивность и сухая расчетливость, неумная

* *Churchill. A Mayor New Assesment*, p. 114.

** Позже, вспоминая о переходе Черчилля к либералам, Дж. Чемберлен скажет: Артур (Бальфур. — *К. В., Е. Ш.*) ошибся, допустив его уход.

прос Джозеф Чемберлен, подчеркнув, что это стимулирует центростремительные силы в империи. Уинстон живо интересовался начавшейся полемикой. Простые британцы связывали «свободную торговлю» с дешевым хлебом и мясом. Учтя эти традиции, Черчилль примкнул к либеральным противникам Чемберлена. Уже в апреле 1902 г. он предостерегал: «старые раздоры» возродятся, если проблема фритреда будет официально выдвинута на первый план; новый бюджет уже предусматривает меры, ущемляющие интересы граждан. Нельзя, подчеркивал Черчилль, вводить такие налоги, которые нарушают установившиеся традиции и порядки*. Если Бальфур долго занимал в возникшей острой ситуации колеблющуюся позицию, то Уинстон, еще сидя на торийской скамье, опубликовал «открытое письмо»: «Фритредеры всех партий должны объединиться на битву против общего врага»**.

С большой речью, направленной против доводов Чемберлена, выступил Черчилль в Бирмингеме в ноябре 1903 г. Он активно участвовал в организации многолюдного митинга «Фритредерской Лиги» в Манчестере в феврале 1904 г.***

На рубеже двух веков социальные контрасты в Великобритании не только не исчезали, но и углублялись; образовалась лейбористская партия, распространялись социалистические идеи. Впервые Черчилль начал тогда внимательно знакомиться с различными материалами, характеризовавшими положение рабочих и мелкой буржуазии, господствовавшие настроения и тенденции. Он не поленился проштудировать большой опус квакера С. Раунтри «О бедности», изданный в 1901 г. Выводы напрашивались: нельзя допускать усиления недовольства трудящихся, надо захватить инициативу в попытках предложить стране реформы в их интересах, не уступая ее не только социалистам, но и благонамеренным лейбористам. Как отмечала Б. Вебб, Уинстон еще был тогда против государственного вмешательства в больших масштабах, но уже настаивал на выработке программы помощи социально незащищенным слоям населения****. Под влиянием Дж. Клайнса, в то время тред-юнионистского деятеля в Олдэме, он

* The Parliamentary Debates. House of Commons. S. 4, v. 56, p. 77.

** Цит. по: *Guedalla Pli*. Op. cit., p. 109.

*** *Churchill W. S. For Free Trade. A Collection of Speeches*. London, 1906, p. 28–43.

**** *The Diary of Beatrice Webb*, v. II. London, 1986, p. 327.

Военный министр С. Дж. Бродрик под влиянием событий в Южной Африке весной 1901 г. предложил значительно усилить армию, увеличить ее состав в мирное время. В прессе замелькали сведения о возможном введении всеобщей воинской обязанности. «Раз мы случайно превратились в милитаристскую нацию, — говорил Бродрик, — нам необходимо постараться остаться ею. 12 мая с критикой министра выступил депутат-заднескамеечник Черчилль. Его звонкая, хорошо аргументированная речь произвела большое впечатление. До той поры море и флот как-то выпадали из поля зрения кавалериста-политика Черчилля. Но в этом выступлении он доказывал, что морское могущество Британии и дальше должно быть основой ее государственного курса: мы “должны избежать рабского подражания бряцающим оружием империям европейского материка”. Предлагаемые Бродриком меры бесполезны и слишком обременительны для бюджета, а деньги нам понадобятся на неотложные дела».

В целом независимость суждений молодого парламентария встретила хороший прием в прессе. Авторитетный либеральный публицист Г. Мэссингем предсказывал: этот депутат «станет премьер-министром — надеюсь, либеральным премьер-министром Англии»* (премьером коалиционного кабинета Черчилль станет только через 40 лет, но уже через десять, в 1911 г., возглавит морское министерство).

Когда Черчилля спрашивали, что привело его в политику, он никогда не скрывал: амбиция, честолюбие, желание быть на авансцене. Но чтобы подкрепить помыслы о политическом взлете, нельзя ограничиваться одной сферой интересов, даже такой существенной, как дела военные. И в 1901–1903 гг. Уинстон последовательно расширял свои познания по самым важным и актуальным проблемам общественной жизни, включая и «скучные» — экономические. В беседе с В. Бонэм-Картер, дочерью Г. Асквита, он похвалялся: «Прежде всего, я стал заниматься экономикой. И овладел ею за восемь недель»**.

В начале XX в. Великобритания оставалась единственной великой державой, сохранившей приверженность фритреду. Но может быть, пора и ей переходить к протекционизму? Так поставил во-

* Daily Chronicle, 13. VI1901.

** Bonham-Carter V. Winston Churchill. An Intimate Portrait. New York, 1965, p. 77.

де принесли 1600 фунтов стерлингов. В целом к возвращению на родину — в феврале 1901 г. — Уинстон мог, наконец, считать свое финансовое будущее обеспеченным.

Молодой депутат с упоением окунулся в парламентскую атмосферу, и уже 18 февраля произнес первую, так называемую «девическую» речь. Он взял слово после Д. Ллойд Джорджа, виднейшего «пробура», и критиковал занятую им позицию. В тот же вечер в курительной палате состоялось знакомство двух будущих лидеров. Произошел обмен мнениями. Ллойд Джордж: «Вы выступаете против прогресса!». Черчилль: «У Вас необычайно бесстрастный взгляд на Британскую империю»*.

К войне в Африке Черчилль не раз обращался и позже. Он ссылался на свои подвиги. Так, в ответ на выпады депутата — полковника У. Кибон-Смита Уинстон восклицал: «Я имел честь служить на полях сражений, тогда как этот доблестный фокусник-полковник довольствовался тем, что “убивал Крюгера словом”, пребывая в комфортной безопасности в Англии»**.

Война в Африке продолжалась до весны 1902 г. Буры перешли к методам партизанских налетов и диверсий, наносили британцам сильные удары. Китченер, ставший здесь главнокомандующим, шел по линии свирепых репрессий. В концентрационные лагеря сгонялись женщины, дети и старики, генерал предлагал вообще депортировать все бурское население в Индонезию или на Мадагаскар***. Надо отдать должное Черчиллю — он решительно осуждал казни и весь комплекс террористических мер, за которые, разумеется, отвечало и торийское правительство. Если Китченер именовал буров «африканскими дикарями с белой «облицовкой», то у Черчилля уже зрела мысль о том, что именно вместе с бурами следует в дальнейшем организовать стабильное управление обширными землями с преобладающим негритянским населением. Не ограничиваясь публичными выступлениями, Уинстон писал Милнеру, призывая прекратить «варварские» приемы и посодействовать компромиссному миру. Бурам надо помочь «признать поражение», сочетать «мир в Африке с честью Британии»****.

* Churchill R. S. Op. cit., v. II, p. 6–9.

** The Irrepressible Churchill. London, 1988, p. 38. Выражение «убить Крюгера словом (ртом)» пустил в ход Р. Киплинг.

*** Magnus Ph. Kitchener. Portrait of an Imperialist. London, 1958, p. 185–186.

**** Churchill as Peacemaker, p. 138.

К. Б. ВИНОГРАДОВ, Е. Б. ШАРЫГИНА

Уинстон Черчилль: молодые годы

<Фрагмент>

Парламентарий

20 июля 1900 г. Черчилль высадился с корабля в Саутхемптоне. По пути он почти закончил последнюю книгу о событиях о Африке — «Марш Яна Хамилтона». Его финансовое положение немного улучшилось. Однако Уинстону пришлось срочно заплатить долги леди Рэндольф, и очень кстати припалась помощь кузена, герцога Мальборо, предоставившего 400 фунтов на предвыборную кампанию, а также этаж своего особняка в Лондоне.

С согласия торийского избирательного штаба Уинстон на выборах, состоявшихся в сентябре, вновь баллотировался в Олдэме. Консерваторы ловко апеллировали к господствовавшим джингоистским настроениям в обществе и сохранили внушительное большинство в палате. Черчилль прошел в парламент, заняв второе место вслед за Эммотом. Его успех не был легкой прогулкой, так как еще один кандидат, Ренсимен, слыл «либералом-империалистом» и тоже одобрял агрессию в Африке. Все же ореол героя, лично сражавшегося с врагами, сказался, и Черчилль опередил соперника на 222 голоса.

Сразу после выборов Уинстон занялся важнейшим, по его мнению, делом — стал почти ежедневно выступать, разъезжая по стране с лекциями и рассказами о войне с бурами. Все лекции хорошо оплачивались. Одна из особенностей этого тура состояла в том, что на роль председательствующего ему удавалось заполучить видных деятелей — Чемберлена, лорда Розбери и других. Их присутствие и вступительные слова увеличивали интерес аудитории. В декабре Черчилль отправился с аналогичными лекциями за океан. Утомительные странствия по США и Кана-

и столько-то мулов, на что Черчилль с самым невинным видом и под хохот палаты общин поинтересовался: «А как в этом случае учтены ослы?»

Тут надо учесть, что, во-первых, он сделал себе из своей предполагаемой экспертизы в бурской войне политическое оружие, во-вторых, ему было всего 27 лет, а премьеру от его наскоков, право же, пришлось нелегко.

По-видимому, это была первая острота Уинстона Черчилля, которую широко подхватили газеты. Таланты молодого парламентария не остались незамеченными. Уже в 1905 году он получил пост заместителя министра колоний, а в апреле 1908 года становится и вовсе полноправным министром — министром промышленности и торговли в правительстве нового премьера Герберта Асквита.

В 31 год — хоть и младший, но член правительства. В 34 года — министр. Уинстон Черчилль явно делал большую карьеру.

Б. В. ТЕНЕНБАУМ

Черчилль: трагедии и триумфы

<Фрагмент>

<...> Первым и важнейшим вопросом был вопрос денег. Налоговая схема Англии в том виде, в котором она существовала, не давала Казначейству достаточных средств для военного строительства. Это стало очевидным еще в 1903–1904 годах. Одной из предложенных мер улучшения положения стало предложение о введении так называемых «имперских преференций». Идея была позаимствована из канадского законодательства. В случае принятия этой системы все товары, приходившие в Англию не из ее доминионов, обкладывались налогом, что давало торговые преимущества Австралии и Канаде, но удорожало многие товары в самой Англии, например, продовольствие.

В правящей коалиции произошел раскол между «юнионистами», которые стояли за новый налог, и «либералами», которые настаивали на продолжении политики «free trade», то есть «свободной торговли».

Победили «либералы», на сторону которых — под свист его единопартийцев-«юнионистов» — перешел молодой, но уже успевший приобрести известность Уинстон Черчилль. Известен он был своим острым языком. В 1901 году, будучи настроенным очень критически в отношении методов ведения бурской войны и генералов, которые ею руководили, он запросил премьера во время парламентских слушаний: «Известно ли достопочтенному джентльмену, сколько вьючных животных было отправлено в Южную Африку?» Он получил подробный ответ, в котором премьер не только сообщил, сколько вьючных животных отправлено армии, но и уточнил, что отправлено столько-то лошадей

Черчилль был очень подавлен. В 39 лет он был членом правительства, руководил сильнейшим в мире военно-морским флотом, его влияние в стране было весьма значительным, как никогда ранее; не только друзья, но и враги считали Черчилля одним из наиболее вероятных преемников Асквита на посту премьер-министра Англии. Теперь все это Черчилль потерял. Королевская комиссия по расследованию крупных провалов и ошибок в деятельности правительства признала Черчилля виновным за провал и последствия Дарданельской операции, целью которой было перетянуть на сторону Англии ряд Балканских стран и переложить на них тяжесть военных действий. Морально-политический ущерб, который понес Черчилль в результате провала его стратегического замысла, повлекшего за собой большие человеческие и материальные жертвы и причинившего большой вред престижу Англии, был очень значительным и долго отрицательно сказывался на нем. Восстанавливать свою репутацию Черчилль отправился в действующую армию.

<...>

Черчилль составил меморандум «о военных аспектах континентальной проблемы», в котором сумел собрать наиболее интересные мнения и выводы видных военных специалистов и просеять их сквозь сито своего здравого смысла. Этот документ был, несомненно, успехом Черчилля и свидетельствовал о возросшей зрелости его как политика. Черчилль смог быстро и профессионально разобраться в ряде важных военных вопросов. Когда премьер-министр Асквит узнал, что подготовка военно-морского флота к предстоящей войне осуществляется плохо, он решил заменить военно-морского министра Маккену⁵ и остановился на кандидатуре Черчилля. Времена и условия изменились, адмиралтейство приобрело большое значение и сулило богатые возможности. Черчилль сразу же согласился и 23.10.1911 г. обменялся с Маккеной постами.

С переходом Черчилля в военно-морское министерство заканчивается период его формирования как государственного деятеля. Его задачей на новом месте была быстрая подготовка военно-морского флота Англии к войне с Германией.

С момента назначения Черчилля военно-морским министром и до начала I Мировой войны прошло 33 месяца.

Хотя Черчилль плохо ладил с адмиралами, не прислушивался к мнению коллег, флот к войне был подготовлен хорошо (перевели корабли с угля на нефть — это обеспечивало большую быстроходность и мобильность, ввели более мощный орудийный калибр и т. д.). Именно Черчилль дал зеленый свет «сухопутному линкору» — будущему танку. Черчилль был сторонником решительных действий, немедленного вступления в войну. Но полководец из него не получился, с треском провалилась разработанная министром операция по захвату Дарданелл, против которой были все почти адмиралы; Черчилль допустил ряд грубейших ошибок и проявил излишнюю самоуверенность.

Хотя Уинстон Черчилль лелеял мысль о возвращении к консерваторам, он в 1915 г. не смог с ними примириться, к тому же не привлек на свою сторону и либералов.

В итоге было создано коалиционное правительство либералов и консерваторов, а Черчилль был фактически отстранен от власти и лишен возможности влиять на решения правительства. Ему дали пост министра без портфеля. Это была синекура — хорошо оплачиваемая, но не требующая никакого труда должность, которая, по определению Ллойд Джорджа, резервировалась либо для новичков, либо для одряхлевших политиков.

После новых выборов либералы остались у власти. Асквит считал нужным заменить лишь министра по делам Ирландии и министра внутренних дел (с каждым днем увеличивалось количество рабочих выступлений, забастовок, приобретающих все более острый характер, в министерстве нужен был человек решительный, с твердой волей).

Итак, в 35 лет Черчилль оказался в министерстве внутренних дел в качестве министра и получил весьма широкие полномочия (в ведении находились все тюрьмы и колонии, полиция, пожарные, контроль над иммиграцией, дороги, мосты, каналы, шахты, сельское хозяйство, рыбная ловля, общественная безопасность и мораль); обладало определенными полномочиями по проведению парламентских выборов, министр провозглашал наследника и нового короля, вступающего на престол.

К концу 1910 г. произошел поворот в убеждениях и интересах Черчилля. Интерес к социальным реформам испарился окончательно. У него появилось раздражение против активизировавшихся рабочих, и Черчилль перешел на крайне реакционные позиции. Кроме личных убеждений по поводу рабочих волнений у Черчилля была мечта возвратиться в свою старую консервативную партию.

На любую забастовку, стачку Черчилль отвечал силой. Использование войск против рабочих означало, что с Черчиллем — «либеральным» политиком и «социальным реформатором», заигрывавшим недолгое время с профсоюзами и рабочими, покончено раз и навсегда. Рабочие стали относиться к нему все хуже, зато правящие круги страны убеждались, что Черчилль является надежным защитником их интересов. Авторитет Черчилля очень поднялся.

Скоро это дало свои практические результаты.

Мир приближался к I Мировой войне. В Германии просчитались, надеясь, что Черчилль не является сторонником агрессивной внешней политики (в свое время Черчилль защищал буров). После того как Германия продемонстрировала свои притязания на Африканский континент, Черчилль пришел к выводу, что война с Германией неизбежна.

В качестве министра внутренних дел, он принял меры, которые должны были затруднить шпионскую и диверсионную работу Германии на английской территории. «Мы, — заявил Черчилль, — будем строить, если необходимо, по 2 корабля на 1, построенный Германией... Радикалы и тори в этом вопросе едины».

случалось с деятелями в возрасте 32 лет, занимавшими пост заместителя министра.

В апреле 1908 г. премьер-министром стал Асквит³.

Черчилль отклонил предложение стать военно-морским министром (адмиралтейство не сулило ему больших возможностей) и министром местного самоуправления (социальные проблемы его не интересовали). Черчилль решил принять пост министра торговли, несмотря на то, что он котировался не очень высоко и получали на этом посту всего 2000 фунтов стерлингов в год, а не 5000 ф. ст. Зато министр торговли получал место в составе кабинета, а это могло явиться хорошим трамплином для нового прыжка вверх.

К 33 годам жизненный путь Уинстона Черчилля полностью определился. Он добился бесспорного успеха в политике: представлял в парламенте надежный избирательный округ, был членом кабинета, пользовался большим влиянием, находился в центре событий.

Министерство торговли, которое Черчилль возглавил в апреле 1908 г., давало возможность не только заниматься вопросами, относящимися непосредственно к компетенции этого ведомства, но и вторгаться во многие смежные сферы (социальные проблемы, промышленность, судоходство, ж. д., патенты и др.). Черчилль активно пользовался этими возможностями, чтобы создать себе репутацию политического деятеля широкого плана.

Находясь в министерстве торговли, Черчилль развивал бурную деятельность в социальной сфере: закон о создании биржи труда, о страховании по безработице и по болезни, инвалидности.

Стратегия Черчилля и его друга и сторонника Ллойда Джорджа⁴ состояла в том, чтобы «предвосхитить требования рабочего класса», привлечь английских рабочих на сторону либеральной партии в ущерб лейбористам. Социальными реформами Черчилль занимался в течении 3–4 лет и в дальнейшем никогда к ним не возвращался.

На посту министра торговли Черчилль неизбежно должен был заняться вопросами внешней политики (ассигнования на армию — делать или нет, внешняя торговля), следовательно, все это зависело от внешнеполитической обстановки. Черчилль охотно занимался этими вопросами и неплохо в них разбирался. Умения эти очень помогли ему в будущем.

ламентарии. Расчет состоит в том, что, если речь идет о популярной политической фигуре, способной причинить серьезный вред партии, переметнувшись на сторону ее противников, то бунтаря успокаивают, дав ему пост в правительстве. Яростный критик, чтобы сохранить долгожданный пост из противника правящей партии мгновенно превращается в ее защитника и придерживается принципа коллективной ответственности за действия правительства.

Такую тактику избрал У. Черчилль. Когда в результате формирования нового кабинета Черчилля проигнорировали (1903 г.), он принял решение совершить перебежку из консервативной партии в либеральную. Однозначно, эта перебежка объяснялась карьеризмом, а не какими-либо принципиальными соображениями. После такого шага молодой политик получил прозвище Бленхеймская Крыса (по названию дворца, где он родился); перейдя к либералам, Черчилль не просчитался. В 1905 г. к власти пришли либералы и правили страной в течение 10 лет. Новые правители не обошли вниманием перебежчика и дали ему пост заместителя министра по делам колоний.

Все это время Черчилля преследовал ярлык ренегата, который беспокоил его и мешал на парламентских выборах. На обвинения У. Черчилль обычно отвечал, что он душой и сердцем принадлежал консервативной партии. Но тогда еще не знал, как обошлась эта партия с его отцом.

В октябре 1906 г. Черчилль выступил в Глазго с речью, в которой сформулировал свое отношение к социализму и революционному движению. Суть: рабочему классу в Англии незачем иметь свою политическую партию, интересы рабочих должны отстаивать либералы, т. е. партия английской буржуазии.

«Любое движение, связанное с насилием — неизбежно встретит сопротивление, которое уничтожит подобное движение».

Характерно, что заняв в 1906 г. такую позицию, Черчилль не менял ее до конца своей жизни.

За очень небольшой срок Черчилль проявил себя как очень работоспособный, инициативный и энергичный младший министр. Сильные мира сего начинали понимать, что если ему дать власть, Черчилль будет усердно служить интересам капиталистической Англии.

В мае 1907 г. последовало официальное признание заслуг Черчилля. Он был сделан тайным советником, что не часто

А. Д. ТАБАЦКИЙ

Деятельность Уинстона Черчилля в годы II Мировой войны

<Фрагмент>

<...>

У. Черчилль начал свою политическую карьеру в следующих условиях: январь 1901 г. — умерла королева Виктория¹, и на престол взошел Эдуард VII². Заканчивался «золотой викторианский век»: активизировались рабочие, в высших сферах английского общества уменьшилось влияние аристократии в пользу буржуазии.

Каковы же были убеждения У. Черчилля, начавшего на рубеже 19–20 вв. свою карьеру?

Ни в начале своей карьеры, ни в ее конце Черчилль не имел четко определенной и продуманной системы взглядов или установившегося мировоззрения. Черчилль имел лишь свои мнения и некоторые идеи.

Политическая деятельность Черчилля началась удачно. Хорошей рекламой для начинающего политического деятеля стали платные лекции в различных городах Англии, США и Канады, принесшие ему также солидный денежный доход.

Удачно прошла для новичка «мейден спич» — первая речь в парламенте, которая создает впечатление о начинающем политике. Черчиллю рукоплескали и консерваторы, и либералы, кроме лидеров консервативной партии. Черчилль позволил себе дерзко отозваться о политике правящих кругов. В дальнейшем он систематически критиковал руководство собственной партии. Этот метод применял отец Черчилля — Рандольф и другие пар-

еще больше. «Ты перепутал чашечку кофе с революцией», — дразнил его один из его коллег. Другой, вернувшись в Лондон и узнав о деяниях Уинстона, спросил его: «Какого черта ты там делал?» — «Да брось, Чарли, было так весело», — ответил «герой Сидней-стрит».

Приближалась первая мировая война. Для подготовки армии к военным действиям требовался решительный человек. Премьер-министр Асквит предложил Уинстону занять пост первого лорда адмиралтейства, т. е. военно-морского министра. Несколько лет назад Черчиллю уже предлагали эту должность, но тогда он отказался. Сейчас же, в преддверии войны, когда запахло «жареным» и военными лаврами, «лихой вояка» согласился не раздумывая.

Итак, в октябре 1911 г. Уинстон перешел в адмиралтейство, а военно-морской министр Маккена принял Министерство внутренних дел. Черчиллю было 37 лет, и один из виднейших либеральных деятелей Эдвард Грей⁹ заметил по поводу его назначения на новый пост:

«Очень скоро, благодаря ясному уму, Уинстон окажется неспособным занимать какое-либо другое место, кроме кресла премьер-министра».

И в этой должности Черчилль начал интенсивно развивать, модернизировать и усовершенствовать вооруженные силы Англии. Как первый лорд адмиралтейства он наибольшее внимание уделил военно-морскому флоту Великобритании в то время самому сильному в мире. Министр, однако, не оставлял без внимания и новейшие виды техники. Так, именно ему принадлежит идея создания танка — грозного оружия этой и последующих войн.

Тогда никто не предполагал, что менее чем через три года Черчилля уберут из адмиралтейства, а еще через несколько месяцев и их военного кабинета, что он утратит не только влияние, но и власть.

Джордж, а Черчилль объявив пастуха несчастной жертвой «феодальной системы», приказал освободить его. Все это сопровождалось выражением горячей симпатии общественности к заключенному и одобрением действий министра. Уинстон нашел этому «джентльмену» работу. Однако сей «страдалец» оставил ее через несколько же дней и, прихватив с собой машинку для стрижки газонов, продал ее и приобрел необходимые для «работы» инструменты. После того как он ограбил близлежащую виллу, «пастух» был схвачен и возвращен на прежнее «место жительства». Гуманный же министр внутренних дел был безжалостно осмеян.

В январе 1911 г. с незадачливым министром произошел еще один случай, названный современниками «Местечко на Сидней-стрит». Группа русских анархистов под предводительством Якоба Петерса, больше известного как «Питер-художник», ограбила ювелирный магазин и при попытке скрыться убила трех полицейских. Через некоторое время Черчилль получил известие, что шайка находится в доме на улице Сидней. Прошел слух, что бандиты хорошо вооружены, что у них есть даже самодельные бомбы. Несколько сот полицейских окружили дом. Собралась огромная толпа зевак.

Черчилль сопровождаемый начальниками разных уровней, приехали на место и взял руководство операцией в свои руки. Одетый в плащ, с цилиндром на голове, министр яростно жестикулировал и выкрикивал инструкции осаждавшим дом полицейским. Затем, посчитав, что собранных сил для решительного штурма недостаточно, он приказал послать за Шотландской Гвардией, которая почти девяносто лет не участвовала в подобных мероприятиях. Но мало того — он привлек к осаде легкую артиллерию и всерьез задумал послать за военными спецами, если того требует операция.

Вследствие сильного обстрела дом загорелся. Когда же огонь утих, под обгоревшими обломками здания нашли два тела, но ни одно из них не было «Питером-художником». Иными словами, главному преступнику удалось бежать среди поднятой ретивым министром сумятицы.

Над Черчиллем потешались все. Он превратился в шута горохового. Шотландская Гвардия? Пушки? Да ради чего весь этот огород? Король был разъярен «геройством» Черчилля. Те, кто не слишком симпатизировал министру, засомневались в нем

ни она не были приняты слишком радушно. Бабушка Черчилля, герцогиня Мальборо, публично назвала своего внука «маленьким позером». Она чрезвычайно боялась, что он унаследует титул, если вдруг у его двоюродного брата, наследного герцога Мальборо, не будет сына. Супругу же Уинстона, рожденную и выращенную либералами, холодность консервативного «цвета общества» нимало не волновало. Так, когда двоюродный брат ее мужа герцог Мальборо недостаточно уважительно высказался о либеральном премьер-министре Асквите, Клементина на несколько месяцев объявила ему бойкот.

С 1908 по 1911 г. Черчилль и Ллойд Джордж (он на 11 лет старше Уинстона) были одним из центральных фигур на политической арене Великобритании. Они были хорошими друзьями, исповедовали одни и те же политические идеалы, и оба были реальными претендентами на кресло премьер-министра.

Известная карикатура Макса Беербома изображает их обоих, стоящих перед Палатой Общин. Черчилль говорит: «Пойдем, Дэви, испытаем судьбу». А Ллойд Джордж отвечает: «Но, Уинни, кто из нас удовольствуется результатом?».

Между тем Черчилль продолжал успешно прокладывать себе дорогу к заветному креслу премьера: он переместился в кресло министра внутренних дел. Как и на всех предыдущих постах, потомок великого Мальборо развил здесь бурную деятельность. Особое внимание министра привлекали заключенные тюрем, в которых он распорядился организовать библиотеки и снабжать арестантов развлекательным чтивом. «Самый ужасный момент моей жизни — плен. Я ненавижу каждую минуту моего заключения. Поэтому, когда я был министром внутренних дел и в моем подчинении находились все тюрьмы Англии, я делал все от меня зависящее, согласуюсь с общественным мнением, чтобы внести хоть какие-то улучшения и снисхождение в жизни заключенных», — писал об этих нововведениях сам Черчилль. По этим же соображениям он использовал свою власть и добился замены смертного приговора на заключение, чем судьи были чаще всего недовольны.

Подчас благородные дела министра приобретали комический характер. Так, например, широкую известность приобрело событие 1911 г., получившее название «Случай с дартмутским пастухом».

Этот пастух был родом из Уэльса и всю свою жизнь с раннего детства провел в тюрьме за воровство. Его где-то нашел Ллойд

деятелей и знаменитых людей, таких, как Ньютон, Дарвин, Диккенс и многие другие.

Посаженым отцом на свадьбе Черчилля был его старший товарищ Хью Сесиль, свидетелем — Ллойд Джорж, а почетными гостями — Джозеф Чемберлен, бывший министр, прозванный «Великим Джо», и Артур Бальфур, — бывший премьер-министр Великобритании. Оба — консерваторы. Все было очень красиво, вот только жених, никогда, кстати, не отличавшийся элегантно-стью и тонким вкусом, умудрился надеть коричневые ботинки.

Один из приглашенных позже писал: «Невеста была такая же бледная, как и жених. И, хотя Черчилль выглядел лучше, чем в последний раз, когда я его видел, лицо его было некрасиво, но значительно». Друг семьи лорд Розбэри считал, что этот брак не продлится более шести месяцев.

Первую часть медового месяца молодожены провели в родовом замке герцогов Мальборо — Бленхейме, а затем отправились на озеро Маджори в Италии. Вернувшись в Лондон, молодая чета разместилась в скромном домике. Биография лорда Рандольфа, написанная Черчиллем, принесла молодым 30 000 долларов. Однако твердого финансового положения ни Уинстон, ни его жена не имели. Этот недостаток средств будет преследовать их довольно долго.

Тем не менее молодой политик вел себя в этот период так, словно обладал всеми сокровищами английской империи: ел деликатесы, пил дорогие вина и коньяки, курил шикарные сигары. А так как он отказывался менять свои роскошные привычки, то все заботы по семейному бюджету легли на плечи Клементины. Молодая жена будущего премьера была вынуждена торговаться со слугами и продавцами, чтобы как-то сэкономить. Так продолжалось до начала 30-х годов, когда доходы от литературных трудов позволили жить Черчиллям на «широкую ногу», чего глава семьи так страстно желал.

В целом брак был необыкновенно удачным и почти на пятьдесят лет дал обильную пищу для сплетен.

От брака Черчилля и Клементины Хозье родилось пятеро детей: в 1909 г. Диана («самая красивая из красавиц, — сказал Уинстону Ллойд Джордж, — это моя копия»). Затем Рандольф — в 1911 г., Сара — в 1914 г., Мэриголд — в 1918 г. (она умерла в детстве), и Мэри, которая появилась на свет в 1922 г.

Несмотря на то что чета Черчиллей не была подвергнута остракизму, как отец Уинстона — лорд Рандольф, тем не менее, ни он,